B
3205
Ban I

Забытый мыслитель.

(Жизнь и сочинения Юлия Бензена.)

„Пров 38 Пров.

Забытый мыслитель.

(Жизнь и сочиненія Юлія Банзена.)

Anders als sonst in Menschenköpfen
malt sich in diesem Kopf die Welt.
Слова Гартмана о Банзенѣ [1]).

I.

Имя Юлія Банзена почти совершенно неизвѣстно русскому читателю. На Западѣ произведенія этого мыслителя (умершаго въ 1881 г.) до сихъ поръ знакомы также только узкому кругу спеціалистовъ—историковъ философіи; но и въ этомъ кругу міровоззрѣніе Банзена далеко еще не нашло заслуженной оцѣнки. Банзена обыкновенно зачисляютъ въ ученики Шопенгауэра и называютъ его философію причудливой и даже патологической формой крайняго индивидуализма. Между тѣмъ забытый мыслитель не только „ученикъ", но и представитель *своеобразнаго* міровоззрѣнія, философъ совершенно оригинальный и „единственный въ своемъ родѣ", знакомство съ которымъ можетъ „нѣчто дать" всякому интеллигентному ищущему человѣку. Банзенъ не холодный „объективный" мыслитель: „во всемъ, что онъ писалъ, выразилъ онъ себя, какъ *цѣлаго человѣка*, свою мысль и чувство, духъ и сердце, разумъ и всю душу". Поэтому интересъ къ произведеніямъ Банзена тѣсно связанъ съ интересомъ къ его личности и жизни. „Если кто-нибудь возьметъ въ руки книгу Банзена, возможно лишь одно изъ двухъ:

[1]) «Въ этой головѣ міръ отражается иначе, чѣмъ въ другихъ человѣческихъ головахъ».

весь обликъ и способъ выраженій этого въ полномъ смыслѣ слова оригинальнаго мыслителя оттолкнетъ читателя такъ, что второй разъ онъ добровольно къ книгѣ не вернется, или такъ привлечетъ и захватитъ, что въ читателѣ пробудится человѣческое участіе къ личности и индивидуальности автора, выходящее за предѣлы чисто-философскаго интереса“ [1]).

Таковъ отзывъ біографа и отчасти поклонника Банзена; но вотъ что пишетъ его рѣзкій принципіальный противникъ Э. фонъ-Гартманъ. „Юлій Банзенъ вполнѣ оригинальный философъ... Талантъ отвлеченнаго мышленія, съ любовью погружающійся въ самыя темныя глубины головы и сердца, и роскошно разросшаяся фантазія, которая иногда грозитъ затопить (verschütten) діалектическія разсужденія богатствомъ образовъ, соединились въ немъ, чтобы создать совершенно необычное явленіе. Творчество и мышленіе Банзена напоены благородной, сердечной кровью нѣмецкаго идеализма... Банзенъ—единственный самобытный талантъ школы Шопенгауэра... Банзенъ *въ первый разъ въ исторіи философіи* выступаетъ въ серьезъ съ міровоззрѣніемъ индивидуалистическаго плюрализма, одинаково враждебнаго теизму и матеріализму“ [2]). Въ послѣднихъ словахъ указана одна изъ особенностей философіи Банзена. Міровоззрѣніе, которое пытается расширить индивидуализмъ до космическаго принципа, т.-е. представить весь міръ, какъ живое взаимодѣйствіе индивидуальностей, не объединенныхъ никакимъ выше ихъ стоящимъ началомъ, безусловно заслуживаетъ самостоятельнаго мѣста и широкой извѣстности. Но всякій, кто хоть разъ открылъ книгу Банзена, увидитъ, что этимъ его оригинальность не исчерпывается. Читателя поражаетъ яркая и смѣлая защита познавательной цѣнности непосредственнаго воспріятія, этическій индивидуализмъ, нигдѣ не

[1]) И эта, и предшествующая цитаты заимствованы изъ введенія R. Louis'a къ автобіографіи Банзена, о которой рѣчь впереди.

[2]) Hartmann. Neukantianismus, Schopenhaueranismus und Hegelianismus, S. 11—14; 64.

переходящій въ эгоизмъ, страстная жажда правды и оригинальное соединеніе безпросвѣтнаго пессимизма съ гимномъ борьбѣ „трагическаго героя“ за недостижимый идеалъ. Не важно, принимаемъ ли мы ученіе Банзена или отвергаемъ его. Цѣнна не столь „система“, какъ личность. Всякая личность, непохожая на „меня“, можетъ внести нѣчто новое и цѣнное въ „мое“ міровоззрѣніе [1]). И когда читатель узнаетъ что этотъ человѣкъ ни при жизни, ни послѣ смерти не нашелъ признанія, что онъ умеръ въ глухомъ померанскомъ городишкѣ, что его личная жизнь была полна неудачъ, а книги не разъ доводили издателей до банкротства, невольно возникаетъ желаніе разгадать и „пережить“ эту жизнь и обратить на нее вниманіе другихъ. Маленькой попыткой такого рода и является настоящая статья.

Главнымъ моимъ источникомъ въ первой половинѣ статьи служитъ автобіографія Банзена, изданная въ 1905 году Рудольфомъ Луисомъ, съ присоединеніемъ отрывковъ неизданныхъ произведеній Банзена и превосходнымъ введеніемъ, дополняющимъ фактическую сторону и оцѣнивающимъ значеніе Банзена. Выводы мои во многомъ совпали съ оцѣнкой Луиса, почему я выше и цитировалъ это введеніе. Автобіографія эта, озаглавленная: „Какъ я становился тѣмъ, чѣмъ я сталъ“, поражаетъ соединеніемъ живого паоса съ поразительной точностью и послѣдовательностью самоанализа. Во второй половинѣ статьи я излагаю міровоззрѣніе Банзена на основаніи непосредственнаго знакомства съ его произведеніями и въ заключеніе пытаюсь дать свою критическую оцѣнку [2]).

[1]) См. Louis (стр. XLIX и LXXVII «введенія»).

[2]) Въ настоящей статьѣ я употребляю слѣдующія сокращенія, цитируя главнѣйшія работы Банзена:

1. *Beiträge zur Charakterologie* mit besonderer Berücksichtigung pädagogischer Fragen. 2 B. Leipzig. Brockhaus, 1867.—*B. z. Ch.*

2. *Zum Verhältniss zwischen Wille und Motiv.* Lauenburg in Pommern. P. Eschenhagen. 1870.—*Z. V.*

3. *Zur Kritik des Kriticismus. Philos. Monatshefte, V.* (1871).

4. *Andeutungen über die Arten des Seins. Philos. Monatshefte, VI.* (1871).

5. *Zur Philosophie der Geschichte.* Eine kritische Beleuchtung des Hegel-Hart-

Литература о Банзенѣ крайне скудна. Кромѣ вышеупомянутой книги Гартмана, мы имѣемъ отзывы его же въ „Philosophische Fragen der Gegenwart“ и во второмъ томѣ „Geschichte der Metaphysik“, затѣмъ рядъ случайныхъ рецензій и отзывовъ Іоганна Фолькельта (единственнаго философа „по званію“, симпатизировавшаго Банзену) и статью А. Бюрдо объ эстетикѣ Банзена („Le tragique comme la loi du mònde d'après Bahnsen“. Revue Philos. V). Изъ нашихъ соотечественниковъ упоминаетъ о Банзенѣ П. В. Мокіевскій въ своей книгѣ „Цѣнность жизни“. Спб. 1884 г., приводя лишь краткій очеркъ его ученія и видя „въ лицѣ Банзена крайнее развитіе шопенгауэровскаго пессимизма“. Въ послѣднее же время обратилъ на Банзена вниманіе И. И. Лапшинъ. Въ диссертаціи его „Законы мышленія и формы познанія“ есть характеристика Банзена, какъ раздвоенной натуры и ирраціональнаго метафизика. Въ книгѣ „Проблема чужого я“ разбору воззрѣній Банзена удѣлено самостоятельное мѣсто. Подъ вліяніемъ этихъ отзывовъ заинтересовался Банзеномъ и авторъ этихъ строкъ [1]).

---

mannschen Evolutionismus aus Schopenhauerschen Principien. Berlin. C. Duncker, 1872.—*Z. Ph. d. G.*

6. *Das Tragische als Weltgesetz und der Humor als aesthetische Gestalt des Metaphysischen.* Eine Monographie aus Grenzgebiete der Realdialektik. Lauenburg in Pommern. F. Feriey. 1877.—*Tr. u. H.*

7. *Der Widerspruch im Wissen und Wesen der Welt.* Princip und Einzelbewährung der Realdialektik. 2 B. Leipzig. Th. Grieben (F. Fernau). 1880—1882.—*W.*

8. *Wie ich wurde was ich ward* nebst anderen Stücken aus dem Nachlass, hrsg. v. Rudolph Louis. München und Leipzig bei Georg Müller. 1905. Кромѣ автобіографіи (I) здѣсь помѣщены: II. Im Banne des Rätselhaften. III. Der subjective und objective Nihilismus. IV. Zur Verständigung über den heutigen Pessimismus. V. Charakterzüge aus Schakespeare's Frauenwelt (напеч. при жизни Банзена въ журналѣ «Litteratur»). VI. Charakterographische Skizzen (первый изъ нихъ «Die Neutralen in der Philosophie» тоже напечатанъ въ «Litteratur»). VII. Стихотворенія.

Эту книгу я цитирую буквою «*L*» съ указаніемъ отдѣловъ. Болѣе полная библіографія книгъ и статей Банзена дана въ этой же книгѣ (стр. XXVIII—XXX), къ которой слѣдуетъ прежде всего обратиться желающимъ подробнѣе познакомиться съ забытымъ мыслителемъ.

[1]) Приношу искреннюю благодарность И. И. Лапшину, который много помогъ мнѣ своими совѣтами и указаніями.

II.

Юлій-Фридрихъ-Августъ Банзенъ (Bahnsen) родился 30 марта 1830 года въ городкѣ Тондернъ, въ Шлезвигѣ. Отецъ его былъ директоромъ учительской семинаріи, и вообще „въ родѣ“ существовала традиція учительской дѣятельности. Мать Юлія Банзена умерла очень рано; образъ покойницы былъ возсозданъ мечтательнымъ мальчикомъ, какъ просвѣтленное выраженіе духа ласки и любви, и этотъ идеализированный образъ не исчезъ изъ его души даже послѣ знакомства съ истиннымъ (менѣе привлекательнымъ) обликомъ, по старымъ письмамъ. Подобное поклоненіе образу своей фантазіи очень характерно для Банзена: въ душѣ его постоянно жила тяга къ лучшему, и мечтанія часто давали ему силу для борьбы съ тяжелыми впечатлѣніями дѣйствительности. Банзенъ говоритъ, что собственно „золотого дѣтства“ у него не было. Отецъ женился во второй разъ, мачеха и старшая сестра деспотически обращались съ остальными дѣтьми; въ мальчикѣ рано выработалась „упругость“ (Elasticität, Spannkraft) въ борьбѣ съ семейной обстановкой. Нелюдимый, внѣшне „огрызающійся“, замкнутый, онъ все время тосковалъ по хорошей семейной жизни. Отецъ, самъ не ладившій съ мачехой, старался облегчить жизнь сына своимъ тепло-разумнымъ участіемъ и наблюдалъ за его воспитаніемъ. Самъ педагогъ по призванію, ярый борецъ за свѣтскую школу и противникъ казарменныхъ интернатовъ прусскаго образца, Христіанъ Банзенъ былъ, повидимому, далеко недюжинный человѣкомъ. Типичный свободомыслящій лютеранинъ, онъ былъ проникнутъ сознаніемъ долга въ лучшемъ смыслѣ этого слова. „Моя должность—для меня самое лучшее убѣжище отъ страданій и горя прочей жизни“, говорилъ онъ. Ни въ ученикахъ, ни въ сынѣ не подавлялъ этотъ человѣкъ индивидуальности, а давалъ ей свободно развиваться; педагогическія идеи Юлія Банзена развились подъ прямымъ вліяніемъ отца. Къ сожалѣнію, желаніе познать

индивидуальность сына привело отца къ неудачнымъ „экспериментамъ“. Онъ часто мѣнялъ методы преподаванія, что придало всему первоначальному воспитанію нашего философа безпорядочный характеръ. Ю. Банзенъ даже увѣряетъ, что подъ вліяніемъ этихъ неудачъ отцовской педагогики у него зародилась идея о неизмѣняемости нѣкоторыхъ прирожденныхъ основъ характера (Immodificabilitätslehre).

Въ 1844 году Банзенъ поступилъ въ гимназію въ Шлезвигѣ. Мальчикъ развился очень рано; предпочиталъ серьезное чтеніе романамъ и увлекался греческими трагедіями. Къ математикѣ онъ съ дѣтства не чувствовалъ расположенія; ему скучна была стройно-замкнутая, но далекая отъ пестраго многообразія жизни система аксіомъ и теоремъ. По той же причинѣ не удовлетворила его и школьная, формальная логика. Среда молодежи въ Тондернѣ и Шлезвигѣ была довольно распущена: „я рано вкусилъ отъ древа познанія во *всѣхъ* смыслахъ“ (L., S. 18). Но слиться вполнѣ съ этой средой Банзенъ не могъ; его тянуло къ книгѣ; физическая слабость дѣлала его часто жертвой насмѣшекъ, а идеализація людей приводила къ разочарованіямъ [1]). Но въ средѣ товарищей Банзенъ почерпнулъ массу матеріала для своей наблюдательности; въ отдѣльныхъ спорахъ, импровизаціяхъ и декламаціяхъ развился его *ораторскій* талантъ, которымъ, кстати сказать, онъ былъ одаренъ гораздо болѣе, чѣмъ писательскимъ. Свойственная Банзену тяга къ правдѣ (Wahrheitsbedürfnis) часто толкала его „вмѣшиваться не въ свое дѣло“ и побуждала къ разнымъ „выступленіямъ“, не всегда благополучно оканчивавшимся. Между тѣмъ приближался 48 годъ. Появилась и въ Тондернѣ „политика“ въ видѣ читальни-клуба и карикатуръ. Раціоналистически-демократическій, а главное рѣзко индивидуалистическій духъ отца и его товарищей учителей

[1]) Трогателенъ разсказъ Банзена о дѣтской любви его къ дѣвочкѣ-горбуньѣ; тайна этой любви была выдана «лучшимъ другомъ», и бѣдный романтикъ жестоко осмѣянъ товарищами.

уже подготовилъ Банзена къ воспріятію радикальныхъ идей Руге и Фейербаха. Получая первое религіозное обученіе, Банзенъ гораздо больше интересовался еретиками, чѣмъ догмой. Но въ движеніи 48 года Банзена захватила только религіозно-критическая, а не политико-соціальная сторона, хотя, между прочимъ, онъ подвергалъ себя голоданію, желая страдать вмѣстѣ съ „меньшей братіей", и въ послѣдовательномъ проведеніи своего идейнаго радикализма часто сталкивался съ традиціями окружающихъ и даже съ отцомъ. Но Банзенъ уже тогда былъ не простой „отрицатель", утверждающій свое новое на мѣсто стараго, а нигилистъ и пессимистъ до глубины души. Вотъ его замѣчательное признаніе (L. 20).

„10 марта 1847 года, когда я задумавшись сидѣлъ въ моей маленькой темной комнаткѣ, возлѣ печки, передъ моимъ сознаніемъ во внезапной интуиціи выступила нигилистическая основная мысль всѣхъ моихъ позднѣйшихъ воззрѣній", т.-е. мысль о безцѣльности и безсмысленности всего человѣческаго существованія... Да, я могу сказать по совѣсти: уже семнадцатилѣтнимъ юнцомъ я прошелъ заранѣе черезъ все то, что долженъ былъ понять одиннадцатью мѣсяцами позже изъ хода міровыхъ событій въ Парижѣ... „Я покончилъ съ міромъ (fertig mit der Welt)". Съ этого дня Банзенъ считаетъ зародившейся свою философію, впослѣдствіи только преобразованную и развитую подъ вліяніемъ Шопенгауэра [1]). Разумѣется, къ этому показанію слѣдуетъ отнестись осторожно. Во-первыхъ, пессимизмъ не исчерпываетъ философіи Банзена; есть въ ней и другіе мотивы. Во-вторыхъ, отчаяніе, охватившее Банзена 10 марта 1847 г., не осталось столь сильнымъ на всю жизнь. Тогда онъ прямо смотрѣлъ на всю остальную жизнь, какъ „на срокъ въ ожиданіи висѣлицы" и сильно мечталъ о самоубійствѣ. Харак-

---

[1]) Статья „Der subjective und objective Nihilismus", написанная 10 марта 1872 года (Louis, 157—162), носитъ въ рукописи подзаголовокъ: eine selbstverfasste Jubiläum—(nicht Jubel)—Schrift.

терно его признаніе, что кромѣ любви къ отцу остановила его мысль о будущемъ счастьи въ любви къ женщинѣ [1]).

Осенью 1848 года Банзенъ поступилъ въ Кильскій университетъ, но въ слѣдующемъ году оставилъ книги и взялся за ружье. Вспыхнула война герцогствъ Шлезвига и Голштиніи съ Даніей. Сначала Пруссія поддержала шлезвигцевъ, но потомъ они были оставлены союзниками и потерпѣли полное пораженіе. Было задѣто не только мѣстное патріотическое чувство Банзена, но и мечта объ единствѣ германскаго союза. Къ 50-тымъ годамъ ясно обозначилась тенденція Пруссіи расширять *свою* власть, а не помогать равноправному союзу, о которомъ мечтали идеалисты 1848 года. Въ Банзенѣ стройно сочетались „партикуляризмъ" шлезвигъ-голштинца (любовь къ національнымъ обычаямъ и вообще къ родному сѣверу) и ясное пониманіе необходимости единой германской культуры и ея превосходства надъ датской (по послѣднему вопросу онъ разошелся съ отцомъ). Но мечта о Германіи, какъ единствѣ культурномъ, сдѣлала Банзена жестокимъ врагомъ „имперіи крови и желѣза". Казарменная дисциплина была ему ненавистна. „Лучшимъ она не нужна, а худшихъ она не исправляетъ", между тѣмъ „лучшіе не выносятъ и гибнутъ" [2]).

Отчасти тяготясь грустными впечатлѣніями на побѣжденной родинѣ, отчасти желая стать ближе въ центръ общегерманской культуры, Банзенъ, по окончаніи войны, отправился продолжать свое университетское образованіе уже не въ Киль, а въ Тюбингенъ. Годы, проведенные здѣсь, онъ справедливо считаетъ лучшими въ своей жизни. Онъ получилъ возможность жить въ научной атмосферѣ, которая наиболѣе подходила къ его требовательной натурѣ.

---

[1]) „Dem Pagen Athenens winkte noch Aphrodite". Какъ увидимъ, „Афродита" дала Банзену лишь нѣсколько ясныхъ лѣтъ, но отчаяніе не возобновлялось въ столь рѣзкой формѣ.

[2]) Любопытно, что скандинавъ Ибсенъ, стоявшій въ голштинскомъ вопросѣ на другой точкѣ врѣнія, вполнѣ сходится съ Банзеномъ въ ненависти къ Пруссіи и имперіи Бисмарка.

Здѣсь окрѣпло и сложилось философское міровоззрѣніе Банзена, который познакомился съ ученіями нѣмецкихъ идеалистовъ начала XIX вѣка. Въ Фихте привлекалъ Банзена его индивидуализмъ, въ Шеллингѣ ученіе объ интуиціи, въ Гегелѣ, конечно, „всеразрушающая" діалектика, уже знакомая Банзену изъ сочиненій гегельянской „лѣвой". Эстетикъ Фишеръ (гегельянецъ) оказалъ вліяніе на ученіе Банзена о трагической красотѣ и научилъ его понимать Шекспира. Однако, ко всему выслушиваемому на университетскихъ лекціяхъ Банзенъ относился критически; записи лекцій были у него всегда испещрены „примѣчаніями" и возраженіями. Слѣпое преклоненіе большинства тюбингенскихъ студентовъ передъ „авторитетами" отчуждало Банзена отъ товарищей. Въ области теоретической философіи Банзенъ уже тогда началъ склоняться къ реализму (отчасти подъ вліяніемъ прочно его увлекшаго матеріализма). Въ 1853 году Банзенъ представилъ диссертацію: „Опытъ генетическаго расчлененія ученія о трехъ основныхъ эстетическихъ формахъ на основаніи естественно-научной психологіи". Диссертація эта не сохранилась; мы имѣемъ лишь отзывъ Фишера, въ общемъ хвалебный, но осуждающій „рѣзкость красокъ" и жесткій тонъ полемики. Повидимому, уже въ этой диссертаціи обнаружился непримиримый и наступательный характеръ философіи Банзена; она была „не ко двору" для мирно созерцательныхъ Akademiker'овъ. Степень доктора философіи была все же получена, и открывалась надежда на профессуру. Въ ближайшемъ будущемъ, однако, надо было искать заработка. Около года Банзенъ провелъ на домашнемъ урокѣ, гдѣ ему приходилось работать „за одну прислугу" (Mädchen für Alles). Въ 1854 году онъ съѣздилъ въ Лондонъ, сопровождая, какъ переводчикъ, своего отца, изучавшаго англійскія учебныя заведенія [1]). Затѣмъ онъ былъ учителемъ прогимназіи въ Альтонѣ и до-

[1]) „Между прочимъ, я былъ и въ міровомъ центрѣ, но до конца дней прожилъ въ отдаленнѣйшемъ захолустьи",—горько говоритъ Банзенъ по поводу этой поѣздки.

машнимъ учителемъ у купца Меллера въ Гамбургѣ, гдѣ познакомился со своей будущей женой. Въ поискахъ заработка и постояннаго мѣстожительства Банзену вообще пришлось порядочно поскитаться; особенно потому, что онъ, какъ „обиженный“ Пруссіей патріотъ, долго не хотѣлъ поступать на прусскую службу, а средневѣковые порядки маленькихъ нѣмецкихъ государствъ затрудняли пріобрѣтеніе полныхъ гражданскихъ правъ „иностранцемъ“ — шлезвигцемъ. Въ 1856 году Банзенъ познакомился лично съ Шопенгауэромъ. Имя его онъ уже слышалъ отъ тюбингенскихъ профессоровъ и сочиненія читалъ съ увлеченіемъ, покупая ихъ изъ послѣднихъ грошей учительскаго заработка. Банзенъ на всю жизнь сохранилъ преданность имени „учителя“ и даже относился къ его памяти съ религіознымъ благоговѣніемъ. Уже 12 августа 1877 года, когда Банзенъ „далеко не могъ считаться ученикомъ, а развѣ лишь продолжателемъ и завершителемъ Шопенгауэра“, написано имъ трогательное стихотвореніе „На могилѣ Шопенгауэра“ (An Schopenhauers Grab, см. L. VII, стр. 269), которое начинается такъ:

«Es ist ein Sonntagmorgen;
Zur Kirche wallfahrtet der Christ,
Ich aber such', wo geborgen
Meines Meisters Leichnam ist.
Es wähnen all die Frommen,
Wir seien der Treue bar,
Ich aber bin hergekommen
Zu zeigen, dass das nicht wahr» [1]).

Первое время Банзенъ увѣровалъ въ проповѣдуемый Шопенгауэромъ аскетизмъ, какъ средство „искупленія“ міра, но мысль, что всѣ аскеты переживали новыя „паденія“, мѣшала ему увѣровать въ достижимость идеальнаго умерщвле-

[1]) „Сегодня воскресное утро; христіанинъ идетъ въ церковь, а я ищу мѣсто, гдѣ схоронено тѣло моего учителя. Всѣ святоши воображаютъ, что мы лишены чувства преданности, но я пришелъ сюда, чтобы показать, что это неправда“.

нія воли. Непріемлемъ былъ для Банзена и идеализмъ теоріи познанія Шопенгауэра; Банзенъ не хотѣлъ признавать время и пространство *только* формами нашего сознанія.

Въ 1858 году Банзенъ, наконецъ, „сдался“ и поступилъ учителемъ гимназіи въ Анкламъ (Восточная Пруссія). Здѣсь онъ попалъ въ ужасно грязную и некультурную обстановку. Гимназія была устроена „на подобіе іезуитской коллегіи“; все было проникнуто лицемѣрнымъ благочестіемъ и казарменной дисциплиной. Попытки Банзена пропагандировать свои педагогическія идеи, основанныя на признаніи самостоятельности ученика и на уваженіи къ его индивидуальнымъ особенностямъ, были встрѣчены, какъ „ужасная ересь“. Послѣ долгихъ хлопотъ о прибавкѣ жалованья и объ освобожденіи отъ обязанности преподавать катехизисъ, Банзенъ перебрался въ Лауэнбургъ (въ Помераніи), гдѣ, однако, условія жизни были немногимъ лучше. Въ этомъ-то уголкѣ Банзенъ прожилъ до конца жизни (умеръ онъ 7 декабря 1881 года), изрѣдка путешествуя по Германіи въ каникулярное время. Скромная и незамѣтная жизнь Банзена невольно напоминаетъ жизнь другого одинокаго парадоксальнаго мыслителя—Макса Штирнера. Первые годы жизни въ Лауэнбургѣ были, впрочемъ, для Банзена счастливыми. 22 февраля 1862 года онъ обвѣнчался съ Меннитой Меллеръ и, казалось, достигъ осуществленія своей мечты о семейномъ уголкѣ, проникнутомъ лаской и любовью. Но уже 31 іюля 1863 года жена умерла отъ родовъ, оставивъ маленькую дочку. Банзенъ всегда говоритъ о покойницѣ съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія и сердечной нѣжности: въ ней нашелъ онъ дѣйствительно близкаго и чуткаго человѣка. Всю любовь свою сосредоточилъ онъ на дочери, которая, по увѣреніямъ Банзена, одна изъ всѣхъ окружающихъ людей его всегда понимала. Слова жены, незадолго до смерти совѣтовавшей Банзену печатать его рукописи, побудили его обработать рядъ набросковъ по психологіи характера, изъ которыхъ возникли „Очерки характерологіи“. Способъ возникновенія отразился на этомъ нѣсколько

отрывочномъ и безпорядочномъ сочиненіи. Кромѣ того, дань почтенія къ „учителю“ заслонила собственныя воззрѣнія Банзена. Въ дальнѣйшихъ сочиненіяхъ Банзенъ освобождается отъ этой зависимости, особенно укрѣпляясь благодаря своему „одиночеству“ среди философовъ. Постоянныя неудачи литературныхъ работъ Банзена имѣли много причинъ, о которыхъ я еще скажу ниже; здѣсь упомяну лишь одно препятствіе, ставшее на дорогѣ при опубликованіи перваго же большого труда. Издатель вернулъ рукопись, такъ какъ не разобралъ ея: у Банзена былъ „ужасный“ почеркъ. Подъ вліяніемъ этой неудачи Банзенъ такъ обращается къ памяти жены въ стихотвореніи „Auch das nicht“ [1]) (E. VII, стр. 270):

«'nen Ehrenkranz um Deinen Aschenkrug
Hofft ich zu flechten;
. . . . . .
Doch alles war umsonst,
Und schmucklos bleibt dein Hügel,
Wie klanglos unser Name» [2]).

„Завѣщаніе“, однако, удалось исполнить, но скоро Банзена постигло худшее. Наступилъ день, когда онъ почувствовалъ, что утратилъ навсегда не только живую Минниту, но и образъ ея. Въ 1868 году онъ женился второй разъ на дочери берлинскаго коммерсанта Герцога. У нихъ было нѣсколько дѣтей, но... „между мною и этими дѣтьми стояла стѣна“. Жизнь съ женой была, повидимому, очень неровная. Въ статьѣ „Подъ гнетомъ загадочнаго“ Банзенъ говоритъ: „на личномъ опытѣ узналъ я, что значитъ порвать другъ съ другомъ; что такое надорванныя (eingerissen), но не разорванныя (nicht zerrissen) отношенія“. Въ 1874 году они разстались. Банзена угнетала мысль объ измѣнѣ памяти первой жены; онъ выразилъ эту скорбь въ потря-

[1]) „И здѣсь неудача“.

[2]) „Я хотѣлъ сплести вѣнокъ въ честь твоей могилы, но все было тщетно, не украшенъ твой холмъ и безгласно наше имя“.

сающемъ стихотвореніи: „Проклятіе припоминанія“ (Bann der Erinnerung L., стр. 269—270):

«Wie immer ich mich mühe,
Dein Bild kehrt nicht zurück,
Dass einmal noch erglühe
In letzter Spur mein Glück.
Wohl tauchen auf und nieder
Der bösen Gestalten viel,
Die treiben, wie sumsende Lieder,
Im Hirn ein grausames Spiel.
Doch wie ich Dich sah strahlen
In seligster Liebesstund',
Das will mir keine malen,
Auf dunkelm Seelengrund [1]).

Человѣкъ съ такимъ мракомъ въ душѣ могъ жить только благодаря колоссальному терпѣнію. Онъ жилъ „спокойно“, потому что зналъ, что *все кончено*. По портрету (приложенному къ изданію Луиса) видно, что этотъ человѣкъ обладалъ большой силой воли. Простое, открытое лицо его прорѣзано морщиной мучительной боли (гейневской „зубной болью въ сердцѣ“). Не даромъ онъ примѣнялъ къ себѣ изреченіе Григорія VII: „я любилъ справедливость и ненавидѣлъ неправду и оттого умираю въ изгнаніи“, а на могилѣ своей велѣлъ написать страшныя слова: „Жизнь моя безплодный трудъ“ (vita mea irritus labor). Но идя къ этой могилѣ безъ надежды впереди, онъ продолжалъ бороться за правду и бодро несъ бремя труда. Онъ умѣлъ схоронить муку въ душѣ, даже когда, по словамъ его стихотворенія „Мимо“ (Vorbei, L., стр. 270),

«Zerquetscht sind des Geistes Glieder» [2]).

---

[1]) Какъ я ни стараюсь, не возвращается твой образъ, чтобы еще разъ вспыхнулъ послѣдній слѣдъ моего счастья. Всплываютъ и тонутъ многіе злые образы и ведутъ въ мозгу ужасную игру, какъ жужжащія пѣсни. Но тебя такою, какъ видѣлъ я въ блаженный часъ любви, не отражаетъ ни одинъ изъ нихъ на темномъ днѣ души“.

[2]) „Члены духа раздроблены“.

и оставалось только сказать:

«Die Zukunft auf immer verriegelt,
Zum Grabe reif mein Leib.
. . . . . .
Was will denn dein Stolz noch pochen,
Mein Herz? Du sollst ja ruh'n» [1]),

Даже тогда оставался Банзенъ „на забытомъ посту", какъ педагогъ, писатель и общественный дѣятель.

Къ характеристикѣ этой дѣятельности мы теперь и обратимся.

III.

Весьма ошибочно представлять себѣ Банзена, какъ человѣка *исключительно* „книжнаго". Онъ былъ борецъ и общественный дѣятель по натурѣ. Съ самаго дѣтства одушевляла его безкорыстная потребность пропаганды: все найденное и продуманное для себя онъ стремился сообщать другимъ и провѣрять въ спорахъ. Міровоззрѣніе его сложилось въ постоянной „оппозиціи" господствующимъ мнѣніямъ. Но этого мало. Онъ боролся не только перомъ за философскія убѣжденія, но словомъ и дѣломъ за идеалы жизни. Въ глухомъ Лауэнбургѣ онъ принималъ горячее участіе въ дѣлахъ мѣстнаго самоуправленія. Одно время Банзенъ былъ даже выбранъ въ городскіе гласные, несмотря на ожесточенныя интриги мѣстныхъ „столповъ" противъ вѣчно „независимаго" учителя. Программа общественной дѣятельности Банзена была очень проста: борьба съ прусскимъ казарменнымъ духомъ подъ лозунгомъ полной свободы совѣсти и эмансипаціи школы отъ церкви. Въ автобіографіи есть блестящія страницы о „берлинскомъ духѣ", о печальныхъ результатахъ мнимаго могущества Имперіи: „насъ боятся, но насъ не уважаютъ". Въ предисловіи къ брошюрѣ „Философія исторіи", написанномъ въ первую

[1]) „Будущее заграждено навѣкъ, зрѣй ко гробу, мое тѣло... Что еще поддержитъ тебя, сердце мое? Ты должно успокоиться".

годовщину Седана, Банзенъ съ горечью констатируетъ, что „счастье, которымъ мы столь гордимся, исключительно отрицательное“,—мы обезпечены отъ угрозъ врага,—„положительная сторона вся еще въ нѣдрахъ будущаго, да въ полныхъ надежды сердцахъ богатыхъ предчувствіями патріотовъ“. Банзенъ клеймитъ прусское „равненіе“ (Uniformität), убивающее всякую индивидуальность, зло смѣется надъ бюрократизмомъ; тонко анализируетъ типъ людей, живущихъ „двумя разными жизнями: на службѣ и внѣ ея“ (dienstlich und ausserdienstlich). Онъ мѣтко обрисовываетъ мнимую демократію нѣмецкаго самоуправленія, которое то пріучаетъ обывателя смотрѣть на выбранныхъ гласныхъ, какъ на своихъ *личныхъ слугъ*, то развиваетъ въ каждомъ „почтенномъ довѣріемъ согражданъ“ самомнѣніе и чинопочитаніе.

При такомъ скептицизмѣ Банзенъ не могъ, конечно, стать человѣкомъ партіи. Безусловно чуждый національ-либераламъ, онъ не примыкалъ къ болѣе лѣвымъ группамъ, потому что „незрѣлый радикализмъ“ ихъ прессы былъ ему не менѣе чуждъ, чѣмъ „рабскій“ тонъ какой-нибудь „Kreuzzeitung“ [1]). Временно онъ примыкалъ къ такъ называемымъ „свободнымъ консерваторамъ“ (Freiconservativen). Эта партія казалась ему наиболѣе благородной по духу и искренно защищающей свободу мысли и школы. Но скоро онъ увидѣлъ, что защита эта далеко не послѣдовательна, и партія эта слишкомъ старается занимать всегда „примиряющую крайности“ позицію. „Ну, а къ дипломатическому салону я никогда не подходилъ“. Банзенъ гордится званіемъ „дикаго“, „никому не закабалившагося“ (nulli mancipi adstrictus) [2]).

Банзенъ въ сущности не понималъ, что такое политическая борьба. Онъ не былъ способенъ къ неизбѣжной для политическаго дѣятеля „упрощенности“ и „жестокости“.

---

[1]) Объ отношеніи Банзена къ соціализму скажу особо, при изложеніи его философіи.

[2]) Нельзя не вспомнить исторію временной близости Ибсена къ норвежской „правой“ и послѣдующаго разрыва.

Борецъ на дѣлѣ, онъ былъ индифферентистъ въ принципѣ, злѣйшій врагъ всякихъ „программъ“ и „плановъ“ идеальнаго жизнеустроенія. Допуская въ политикѣ (подобно отцу) гораздо бо́льшую терпимость, чѣмъ въ философской полемикѣ, онъ тѣмъ самымъ разсматривалъ ее, какъ нѣкую надстройку, опредѣлявшуюся „основами“,—внутренней жизнью личности. Можно сказать, что „политика отъ сердца“ Банзена была просто—соціальной педагогіей; онъ всегда оставался пропагандистомъ опредѣленной идеологіи, воздѣйствующимъ на отдѣльныя души, не на массу.

Но что такое былъ Банзенъ, какъ педагогъ? Читатель уже отчасти это знаетъ. Чуткость къ чужой индивидуальности во всей ея полнотѣ—вотъ лозунгъ преподавательской дѣятельности Банзена и родившейся изъ нея „педагогической“ по преимуществу „характерологіи“. На мѣсто „поверхностнаго распредѣленія“ дѣтей по расплывчатымъ категоріямъ, педагогъ долженъ проявить любовное вниманіе къ малѣйшимъ проявленіямъ дѣтскаго существа. Рѣшаюсь привести большую выписку изъ „Очерковъ характерологіи“, которая, помимо своихъ внѣшнихъ достоинствъ, важна, какъ profession de foi Банзена-педагога и кое-что объясняетъ въ исторіи его отношеній къ друзьямъ и литературнымъ противникамъ.

„Исканіе шаблона—болѣзнь, распространенная гораздо больше, чѣмъ мы хотимъ признаться себѣ и другимъ; никогда не обманывающій симптомъ этой болѣзни—постоянные наши вздохи: „мы обманулись въ томъ или другомъ человѣкѣ. И такъ будетъ всегда, покуда громадное большинство не перестанетъ пользоваться невѣроятно малымъ количествомъ сравнительныхъ мѣрокъ. Если зрѣлый человѣкъ такъ легко изготовляетъ свои приговоры по отношенію къ зрѣлымъ же людямъ, какъ можно отъ него ждать, чтобы онъ проявилъ бо́льшую способность различенія и, слѣдовательно, больше справедливости по отношенію къ мальчикамъ, у которыхъ всѣ бросающіяся въ глаза свойства даны обыкновенно лишь въ едва замѣтныхъ зароды-

шахъ. У того, кто самъ не отличается ничѣмъ „особеннымъ“ (Markiertes), откуда возьмутся щупальцы, которыми онъ сможетъ нѣжно и бережно коснуться складокъ и складочекъ чужого существа. У того, кто самъ до зрѣлыхъ лѣтъ остается вѣчно зеленымъ и гладкимъ, свѣженькимъ существомъ (Frischling), откуда явится пониманіе складки въ углу губъ мальчика, на которой уже дрожатъ слѣды будущаго разочарованія въ жизни (des Zerlebtseins). Въ чемъ-нибудь такомъ нетерпѣливый невѣжда, конечно, увидитъ лишь пустое упрямство и самомнѣніе, между тѣмъ какъ внимательно прислушивающійся почуетъ подъ жесткою корою трепетъ души, мягкой въ самой глубинѣ своего существа и только сжавшейся изъ робости, и именно такимъ пониманіемъ пріобрѣтетъ всю ея любовь“ [1]).

Идеалъ чуткости, здѣсь очерченный, необычайно высокъ. Удалось ли его провести въ жизнь Банзену и пріобрѣсти любовь учениковъ? Иногда кажется, что да. Онъ говоритъ объ уваженіи учениковъ къ его „жаждѣ“ правды, о безусловномъ довѣріи; утѣшаетъ себя мыслью, что здѣсь, среди молодежи, нашелъ онъ своихъ истинныхъ послѣдователей и готовъ даже помириться съ утратой надеждъ на профессуру: все равно вѣдь не ужился бы онъ съ цеховыми „александрійцами“ и „византійцами“. Но далѣе оказывается, что съ теченіемъ времени все рѣже находилъ онъ любимцевъ; что постепенно пріучился прибѣгать къ наказаніямъ, а сыновей своихъ мѣстныхъ враговъ изводилъ придирками въ изысканно-вѣжливой формѣ. Отчасти это было просто слѣдствіемъ усталости и озлобленности подъ вліяніемъ жизненныхъ неудачъ, но доля причины лежитъ въ самомъ методѣ Банзена. Надо имѣть въ виду, что̀ нашъ философъ считалъ характеръ въ зернѣ прирожденнымъ. Это наложило на всю его педагогическую практику отпечатокъ нѣкоторой пассивности. Онъ учитъ „прислушиваться“ (lauschen), но

[1]) B. z. Ch., I, 6—7. Переводъ мой, какъ и во всѣхъ послѣдующихъ цитатахъ. Мнѣ поневолѣ приходится кое-что сокращать и смягчать, такъ какъ точно передать языкъ Банзена нѣтъ возможности.

не „дѣйствовать“ (wirken) и лозунгомъ своихъ „очерковъ“ выбираетъ слова Гете:

„Bilde mir nicht ein ich könnte was lehren
Die Menschen zu bessern und zu bekehren“, [1])

Банзенъ самъ впадалъ въ тяжко-искупаемый грѣхъ „погони за шаблонами“ (Schablonirsucht), безмѣрно идеализируя людей. Ожесточенный врагъ логическихъ схемъ, онъ, по собственному признанію, часто создавалъ въ своей фантазіи цѣлостный образъ человѣка, дополняя отрывочную интуицію цѣпью умозаключеній. Буквальное пониманіе „проникновенія въ чужую индивидуальность“ отрѣзало ему путь ко всякому иному роду отношеній кромѣ задушевнаго. Несмотря на всю свою терпимость, Банзенъ просто органически не понималъ „объективнаго“ отношенія къ другому человѣку: это казалось ему игнорированіемъ живой личности.

Такого рода взаимнымъ непониманіемъ объясняется, между прочимъ, тонъ Банзеновой полемики съ Гартманомъ и вся исторія ихъ отношеній [2]). Характеры философовъ были слишкомъ различны: Банзенъ—„философъ сердцемъ“, Гартманъ—болѣе спокойный и холодный діалектикъ. Гартманъ (какъ мы уже знаемъ) высоко цѣнилъ Банзена, какъ мыслителя, и не разъ выражалъ сожалѣніе, что „такую силу заставляютъ мыкать горе (verkümmern) въ далекой Помераніи“. Между тѣмъ, читая полемику Банзена, можно подумать, что Гартманъ его жестоко оскорбилъ, просто-таки втопталъ въ грязь, высмѣялъ... Все дѣло въ томъ, что Банзенъ съ глубокой искренностью считалъ свое основанное на интуиціи пониманіе міра единымъ истиннымъ и не удовлетворялся „половиннымъ“ признаніемъ [3]). Самъ надломленный и терзаемый сомнѣніями, Банзенъ не выносилъ „здо-

---

[1]) „Я не воображаю, чтобы могъ научить улучшать и обращать людей“.

[2]) Были и другія причины ссоры. Банзенъ не могъ простить Гартману его „рекламной полемики съ самимъ собою“ въ извѣстной книгѣ: „Das Unbewusste vom Standpunkte der Physiologie und Descendenztheorie“.

[3]) Ср. отношеніе *Достоевскаго* къ критикамъ „Пушкинской рѣчи“.

ровыхъ", „оптимистовъ по натурѣ". „Патологическій" и „анормальный"—вотъ два волшебныхъ словечка, съ помощью которыхъ можно отдѣлаться отъ чего угодно. „Кто не таковъ, какъ они сами, того во всѣ времена эти „здоровые" старались устранить, какъ кандидата въ лазаретъ или Бедламъ".

Считать Банзена психопатомъ мы, конечно, не имѣемъ права: автобіографія показываетъ замѣчательную ясность его мысли до послѣднихъ дней. Не былъ Банзенъ и „брюзгой" (blasiert). Онъ скорѣе былъ способенъ „носиться" съ другими черезъ мѣру, но не съ *своей* собственной особой. Банзенъ называлъ себя кентавромъ, т.-е. существомъ двойственной породы. Въ душѣ у него было много нѣжности, но никакъ не удавалось найти выраженіе своимъ мыслямъ и чувствамъ. Отсюда непониманіе и рядъ неудачъ, побудившій Банзена предполагать у себя „особаго рода ядъ" (Specialpech), способный разрушать и портить всякое дѣло, за которое онъ брался. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова „неудалый", „незадачливый человѣкъ".

Языкъ произведеній Банзена столь же необыченъ, какъ его мысли. Критики отзываются объ этомъ языкѣ съ нѣкоторымъ ужасомъ [1]). Надо сознаться, что у Банзена масса внѣшнихъ недостатковъ. Онъ злоупотребляетъ точнымъ разграниченіемъ значеній близкихъ по смыслу словъ (синонимикой). Изъ новыхъ его словообразованій на одно удачное приходится десять неуклюжихъ. Злоупотребляетъ онъ также иностранными словами (часто изъ древнихъ языковъ), архаизмами, народными словечками и все это невпопадъ: не оживляется изложеніе, а лишь затрудняется пониманіе. Бюрдо зло сказалъ, что книги Банзена „изобилуютъ образами, заимствованными изъ наукъ и теорій, самыхъ мало-

[1]) Ницше упрекалъ его въ „поспѣшности". Гартманъ сравниваетъ стиль Банзена съ шатаньемъ пьянаго. Бюрдо характеризуетъ языкъ Банзена какъ „взъерошенный отъ гегелевскихъ формулъ". Луисъ называетъ его „брызжущимъ" и добавляетъ: „Банзенъ изъ тѣхъ писателей, которые любятъ быть завоеванными читателемъ".

извѣстныхъ, изъ самаго схоластическаго богословія и самыхъ темныхъ миѳологій, изъ сказокъ Фей или изъ жизни нѣмецкаго ученаго". Въ этой насмѣшкѣ есть и серіозная сторона.

Не одни вышеуказанные внѣшніе недостатки затрудняютъ пониманіе Банзена: сочиненія его требуютъ отъ читателя большой и многообразной освѣдомленности. Банзенъ, сознавая пробѣлы въ своемъ образованіи (напримѣръ, въ области естествознанія), старался пополнить эти пробѣлы не систематически, а случайно, жадно набрасываясь на всякую новую и интересную книгу, доходившую въ его померанское заточеніе. И вотъ, эта-то безпорядочная начитанность отозвалась очень вредно на его произведеніхъ. Однако, тутъ же и нѣкоторая положительная сторона ихъ. Банзенъ, по самому складу своей внутренней жизни, мыслитель интуитивный. Лучше всего ему удаются отдѣльныя характеристики и описанія психологическихъ типовъ; въ немъ несомнѣнно были задатки художника-беллетриста [1]). Онъ часто писалъ подъ вліяніемъ вдохновенія; не было „настроенія", и темы залеживались. Болѣе того, перечитывая свои собственныя писанія, Банзенъ иногда самъ ихъ не вполнѣ понималъ; до такой степени вліяла на него органическая связь, приданная имъ настроеніемъ и не выразившаяся вполнѣ въ словахъ: оставались одни обрывочные образы. Вотъ отчего личные друзья Банзена, слышавшіе, какъ онъ самъ читаетъ свои произведенія, были въ восторгѣ отъ ихъ стиля. Тутъ много значила интонація, подчеркиваніе, быстрота воспріятія [2]).

„Архитектурнаго" таланта у Банзена совершенно не было, и его старанья свести свои воззрѣнія въ систему во многомъ были самоистязаніемъ. Онъ самъ признался, что счи-

---

[1]) По поводу статьи о Шекспирѣ онъ говоритъ: „и я художникъ, сознаюсь".

[2]) Въ B. z. Ch., I, 334—343, мы находимъ любопытное разсужденіе о разницѣ между „отдѣльнымъ читателемъ" и „госпожей публикой въ ея безликомъ многоличіи".

талъ это нужнымъ лишь для достиженія пониманія со стороны „людей науки“, а ему самому истина его философіи была ясна изъ внутренняго убѣжденія... Разумѣется, искусственная систематизація воззрѣній къ добру не привела: для публики Банзенъ оказался слишкомъ ученъ; для ученыхъ не достаточно „объективенъ“. Его послѣднее главное сочиненіе „Противорѣчіе въ познаніи и сущности міра“ настолько испорчено этой искусственной систематизаціей и озлобленностью усталаго, „зрѣющаго для могилы“ неудачника, что человѣкъ, знакомый съ Банзеномъ только по этому сочиненію, получитъ о немъ совершенно невѣрное представленіе. Лучшее изъ написаннаго Банзеномъ—это маленькіе психологическіе этюды, напр., (какъ разъ—увы—*посмертные!*), напечатанные въ изданіи Луиса.

Во всякомъ случаѣ Банзенъ искалъ достойной формы и иногда находилъ ее. Въ его тяжелыхъ книгахъ вдругъ „прорываются“ страницы такой глубины и силы, что и Ницше не было бы стыдно ихъ признать своими, а приведенныя выше стихотворенія простотой и краткостью напоминаютъ Гейне. Я не знаю высшей похвалы для нѣмецкаго писателя, какъ сравненіе съ этими двумя мастерами стиля.

IV.

Первой яркой чертой философіи Банзена является призывъ къ интуиціи, къ непосредственному познаванію реальнаго міра. Данное въ воззрѣніи не укладывается въ рамки логическихъ понятій: живая жизнь не исчерпаема формулами. „Логика“ сушитъ, убиваетъ; надо обращаться къ даннымъ воспріятія, оставивъ въ сторонѣ апріорныя схемы. Слѣдуетъ отказаться отъ охватыванія дѣйствительности понятіями (begreifen), стремясь лишь постичь (verstehen) ее и уяснить ея смыслъ. Формализмъ—смерть философіи. Воспріятіе выше отвлеченнаго мышленія. Математика и логика просто условные языки, выработавшіеся въ процессѣ естественнаго подбора: „геніи не любятъ математику“ и

„логику не нуженъ талантъ". Это лишь средства оріентировки, ихъ схемы всегда чужды живой дѣйствительности. Тотъ, кто хочетъ познать истину, долженъ отказаться отъ „суррогатовъ" упрощеннаго міра и признать права конкретной дѣйствительности, во всей ея полнотѣ и многообразіи. Философія слишкомъ много старалась о „равновѣсіи", пора взглянуть въ глаза опыту безъ предпосылокъ, *лишенному этого равновѣсія.*

Къ этому опыту мы не можемъ относиться съ „объективнымъ" спокойствіемъ; онъ насъ все время „раздражаетъ", и мы не можемъ „упускать изъ виду свою личность". „Методъ Бекона Веруламскаго по существу бездушенъ, уваженіе къ матеріи факта затрудняется малѣйшимъ душевнымъ возбужденіемъ...; сердце создаетъ философа, рефлексія его пожираетъ, но совершенно пожрать не можетъ, и борьба между ними безконечна" [1]).

„Отрывъ отъ интуиціи" создаетъ узкую разумность (Klugheit), которая свысока презираетъ истинную мудрость (Weisheit), „основанную всегда на соединеніи интуитивной способности съ абстрактной, геніальности съ ученостью, мудрость пророчески дальнозоркую". Далеко простирающійся взглядъ этой мудрости заставляетъ ее часто прибѣгать къ средствамъ, которыя кажутся простой разумности глупыми и повседневному знанію неправильными. Но именно тамъ, гдѣ величайшая разумность „безсильна со всей *своей* мудростью", выступаетъ на помощь истинная мудрость. „Тамъ, гдѣ осрамились разсчеты, рефлексія и размышленіе, мудрость смотритъ провидящимъ взоромъ въ ту глубину, гдѣ текутъ скрытые источники спасенія" [2]). Философія дѣло жизни, дѣло личности въ цѣломъ; существуетъ „радость мудрости" и „удовольствіе познанія".

Но Банзенъ не удовлетворяется провозглашеніемъ многообразія дѣйствительности; онъ объявляетъ ее рѣзко про-

---

[1]) B. z. Ch., II, 127.
[2]) B. z. Ch., II, 101.

тиворѣчащей схемамъ логики и *полной противорѣчій*. „Интуиціи не нужно смущаться неспособностью абстрактной логики принудительно подвести нѣкоторые факты нашего познанія подъ постулатъ отсутствія противорѣчій; существуетъ коренное раздвоеніе между реальнымъ матеріаломъ нашего познанія и идеальными категоріями логическихъ абстракцій“ [1]). Между тѣмъ вся господствующая наука, со включеніемъ основъ этики, педагогики и политики, убѣждена въ простотѣ міра. Постоянно „самое неоднородное подводится подъ одинъ масштабъ“; „всегда и повсюду орудуютъ основоположеніями и теоремами, пренебрегая живой индивидуальностью“; не признается никакой самостоятельности за индивидуальнымъ характеромъ [2]).

Банзенъ называетъ свою систему *реальной діалектикой*, противопоставляя ей гегелевскую *словесную* (Verbaldialektik, правильнѣе было бы, конечно, сказать Verstanddialektik). Именно реальный процессъ насквозь полонъ противорѣчій; логическое мышленіе развивается (въ противность мнѣнію Гегеля), вполнѣ подчиняясь закону отсутствія противорѣчій. Промежуточное положеніе занимаетъ мышленіе обыденное (психологическое), въ которомъ, напримѣръ, возможны ассоціаціи и по сходству, и по контрасту. Нельзя не припомнить, что идея реальной діалектики обща всѣмъ лѣвымъ гегельянцамъ и стала наиболѣе популярна въ приложеніи ея къ общественному развитію въ экономическомъ матеріализмѣ Маркса-Энгельса. Но мы увидимъ, что Банзенъ изъ этого стремленія „поставить Гегеля на ноги“ сдѣлалъ выводы діаметрально противоположные (и надо добавить болѣе послѣдовательные).

Банзенъ подчеркиваетъ, однако, что противорѣчіе (Widerspruch) дѣйствительности не есть безсмыслица (Widersinn); у дѣйствительности есть *своя* логика, не похожая на нашу. „Дѣйствительность“ и „мысль“ представляютъ собою

---

[1]) W., I, 287.
[2]) B. z. Ch., I, 66.

два замкнутыя цѣлыя, каждое изъ которыхъ развивается по своимъ законамъ; у каждой логики есть своя сфера дѣйствія. Дѣйствительность противна нашей логикѣ (antilogisch), но не лишена логики (nicht alogisch). „Реальная діалектика“ тѣмъ и отличается отъ всѣхъ предшествующихъ философскихъ системъ, что отказывается „снимать“ противорѣчія дѣйствительности. „Она уничтожаетъ послѣдніе корни той иллюзіи, о которую спотыкались всѣ ея предшественники. Совершенно истинно свободенъ отъ призраковъ только тотъ, кто не требуетъ отъ міра другого тожества и согласія, кромѣ согласія противорѣчія съ самимъ собою“. „Въ согласіи съ собою и даннымъ стоитъ только пронзительный голосъ реальной діалектики, которая считаетъ свою точку зрѣнія „высшей, потому что не претендуетъ слыть „гармоніей“ или когда-нибудь въ таковую разрѣшиться“ [1]). „All-Einler'ы“ (все-объединители, монисты) вотъ злѣйшіе враги Банзена: искусственное объединеніе на дѣлѣ противоположныхъ отношеній болѣе всего идетъ противъ плоти и крови. Но если такъ, значитъ „дѣйствительность“ *существуетъ независимо отъ насъ*. Банзенъ совсѣмъ не скептикъ, хотя и высоко цѣнитъ историческую роль скептицизма, „подобнаго оппозиціи въ конституціонномъ государствѣ“. Но *начиная* съ сомнѣнія (какъ „nulli mancipi adstrictus“), Банзенъ увѣренъ, что интуиція научитъ познанію полной метафизической истины.

V.

Интуицію называетъ Банзенъ своимъ методологическимъ принципомъ: дѣйствительность требуетъ отъ насъ признанія; нечего „придумывать“ и „мудрить“, надо смотрѣть и учиться у нея. Ирраціональную дѣйствительность мы познаемъ не какъ нѣчто внѣшнее и чуждое намъ, а какъ подобіе нашего внутренняго „я“; себя же самихъ, какъ метафизиче-

[1]) W., I, 26.

скую сущность, мы познаемъ въ актѣ воли. Въ этомъ Банзенъ—вѣрный ученикъ Шопенгауэра. Въ волѣ едины функція и субъектъ: мы познаемъ не только проявленіе, но и проявляющагося дѣятеля. Это воспріятіе нашей волевой сущности и даетъ ключъ къ пониманію окружающаго міра. Ученіе Банзена о превосходствѣ воспріятія надъ отвлеченнымъ мышленіемъ (интуиціонизмъ) тѣснѣйшимъ образомъ связано съ первенствомъ воли надъ разсудкомъ (волюнтаризмъ) и высокой оцѣнкой личнаго своеобразія (индивидуализмъ): именно волевой элементъ въ своеобразности своего выраженія препятствуетъ исчерпанію міра схемами разсудка. Логическое основаніе факта не исчерпываетъ его реальной причины; человѣческій умъ сжатъ „двойными тисками“; внѣшній міръ навязывается противъ логики. Причинность, какъ основная категорія нашего разсудка, и самое единство нашего самосознанія обусловлены реальностью лежащаго въ нашей основѣ единаго волящаго субъекта. Причинная связь наша съ внѣшнимъ міромъ познается, какъ ощущеніе воздѣйствія на насъ чужой „другой“ воли и нашей реакціи на это воздѣйствіе. Чувство есть та же воля, поскольку она переживаетъ воздѣйствіе другой воли. „Сопротивленіе“ предметовъ доказываетъ ихъ волевую основу. Сущее (ens realissimum) міра не простой умопостигаемый предметъ (Noumenon, Gedankending), какъ полагалъ Кантъ, а воля. „Подвергаться дѣйствію—значитъ существовать“ [1]). Ощущая наше „я“, мы ощущаемъ его съ самаго начала въ мірѣ, состоящемъ изъ такихъ же волевыхъ „я“. „Съ перваго вздоха познаетъ себя живое существо помѣщеннымъ въ богатую болью жизненную борьбу, и это „я“ послѣ рожденія кричитъ въ несмолкаемой боли; это „я“ образуетъ всегда тожественную и равную самой себѣ индивидуальность сознательнаго единичнаго существа; неразрывно сопровождаетъ насъ въ жизни, не можетъ ис-

---

[1]) См. статьи: „Zur Kritik des Kriticismus“ и „Andeutungen über die Arten des Seins“.

чезнуть ни въ какомъ помраченіи ума, ни въ какой галлюцинаціи. Первый симптомъ самосознанія новорожденнаго есть въ неразрывномъ единствѣ, также первый симптомъ его нахожденія внутри чего-то „другого", т.-е. міра. Потому то „я" и сопротивляется смерти, что, погибнувъ, оно утрачиваетъ міръ и хочетъ міръ удержать" [1]).

У Банзена нѣтъ единой міровой воли. Онъ провозглашаетъ сущностью міра изначальную множественность волящихъ „я". Эти воли (voluntates) Банзенъ называетъ *генадами* (отъ греческаго слова hen-одно). Эти генады находятся въ причинномъ взаимодѣйствіи и всеобщей взаимозависимости, но никакая предустановленная гармонія не опредѣляетъ ихъ отношеній; міръ есть постоянная борьба воль и идетъ по ихъ равнодѣйствующей. „Противорѣчіе" реализуется въ безконечной борьбѣ. Эти индивиды не тожественны, но качественно разнообразны и взаимно не замѣнимы, хотя и „подобны" другъ другу. Метафизическая множественность [2]) *различныхъ* генадъ предполагаетъ ихъ *пространственную* разграниченность. Міръ не есть только „наше представленіе", но все же „въ субъектъ ничего не можетъ быть внесено, чего бы не находилось въ немъ съ самаго начала"; прежде всего реаленъ самый субъектъ не какъ абстрактный „чистый субъектъ познанія", а какъ метафизическая субстанція (индивидъ-генада) [3]). „Всякій процессъ есть переходъ невидимой дотолѣ сущности въ видимую; сущность не измѣняется, она только переходитъ изъ безсознательнаго бытія въ сознательное" [4]). Этотъ „переходъ" протекаетъ въ реальномъ *времени*, которое также не есть только „Форма познанія", но нѣчто объективно протекающее. „Освобождая естествознаніе отъ опеки математики", Банзенъ провозглашаетъ атомъ и дифференціалъ времени (длящееся nunc stans, ускользающее отъ разсудка,

---

1) W., II, 7.

2) Остается неяснымъ, конечно или безконечно число генадъ.

3) W., I, 153.

4) Z. V, 40.

но воспринимаемое волей) подлинно существующими. Сущность всегда проявляется въ силу внутренней необходимости. И только въ „проявленіяхъ“ познаваема. Мы не знаемъ бытія вообще (Dasein), а лишь опредѣленное „вотъ это бытіе“ (Sosein). „Мы знаемъ волю только какъ волящую. Чѣмъ она была до своего возбужденія къ дѣятельному воленію, остается для насъ навсегда скрытымъ“ [1]).

Эмпирическій характеръ человѣка—результатъ взаимодѣйствія его волевой сущности и мотивовъ, т.-е. своеобразно воспринятыхъ ею воздѣйствій другихъ волевыхъ „я“, ее окружающихъ. „Мотивъ возбуждаетъ волю, извлекаетъ ее (schöpft) изъ потенціальнаго состоянія и только въ этомъ смыслѣ нѣчто про-из-водитъ (schöpft)“ [2]). Для мотива нуженъ объектъ воздѣйствія, нужно нѣкое „у-словіе“, „предпо-сылка“, под-лежащее. Въ каждомъ эмпирическомъ „я“ есть *зерно* (Willenskern, Kernwesen), которое „остается неизмѣннымъ во всѣхъ перемѣнахъ возраста и положеній“; измѣняемая сторона эмпирическаго „я“ никогда не является подлинной причиной хотѣнья, хотя иногда кажущимся образомъ выступаетъ на первый планъ. „Только то, что сопровождаетъ насъ всю жизнь въ формѣ неисчезающей черты, выражаетъ внутреннее существо нашей индивидуальности“ [3]). „Поверхностность и близорукость эмпирической науки о характерѣ состоитъ именно въ томъ, что она, пользуясь своимъ мнимымъ знаніемъ людей, извлекаетъ заключенія о внутреннемъ существѣ предмета своихъ сужденій изъ дѣятельности промежуточныхъ мотивовъ“, случайныхъ дѣйствій, не проистекающихъ изъ данной индивидуальной воли съ необходимостью [4]).

Ученіе Канта и Шопенгауэра объ „умопостигаемомъ ха-

---

[1]) W., II, 37; Z. V., 9.

[2]) Въ подлинникѣ игра глаголомъ „schöpfen“, который означаетъ и „творить“ и „черпать“, почему мотивъ названъ „дѣятельнымъ не болѣе, чѣмъ ведро при колодцѣ“. Z. V., 40.

[3]) Z. V., 24—25.

[4]) Z. V., 16—17.

рактерѣ" человѣка Банзенъ прилагаетъ ко всему міру; онъ строитъ грандіозную систему индивидуалистическаго панпсихизма. „Субстратъ" есть вездѣ; уже атомныя силы отличаются нѣкоторой индивидуальностью: химія тоже только „описаніе характеровъ" разныхъ элементовъ. Индивидуальность проявляется въ животномъ мірѣ: выраженіе „лисьи глаза", „свиная морда" не простыя уподобленія, а указаніе на метафизическое сродство человѣка и животныхъ. Задача метафизики это „характерологія міра", т.-е. описаніе всѣхъ индивидуальностей—генадъ. Волюнтаристическая метафизика—необходимое дополненіе и расширеніе атомистики. При этомъ, однако, надо помнить, что „міровая анархія" не есть „міровой хаосъ". Равнодѣйствующая всѣхъ силъ двигаетъ міръ съ извѣстной закономѣрностью; „случая" въ строгомъ смыслѣ нѣтъ.

Нѣтъ собственно и свободной воли, а лишь потенція ея, которая никогда не можетъ проявиться, такъ какъ генада включена во „всеобщую взаимозависимость". Міръ не есть сумма изолированныхъ единицъ, не есть и царство произвола. Но, съ другой стороны, онъ не есть и царство цѣлесообразности; внимательное изслѣдованіе хотя бы одного органическаго развитія открываетъ массу нецѣлесообразныхъ явленій. Все это „развитіе" сводится къ дифференціаціи индивидовъ; но чѣмъ больше многообразія, тѣмъ тоньше и острѣе противорѣчіе: вотъ трагедія прогресса.

Смерть, разрушая данное проявленіе „*зерна*", возвращаетъ его въ состояніе потенціи. Индивидуумъ снова „становится невидимымъ актомъ воли, который нуждается только въ новомъ толчкѣ (смѣнѣ мотива), чтобы снова вступить въ міръ видимаго" [1]). Потокъ жизни вызываетъ его къ бытію въ иной формѣ на основѣ того же „зерна", какъ это прекрасно выражено въ стихотвореніи W. Jensen'a:

---

[1]) W., II, 4—25.

„Von keinem Zweck des Daseins vorbedacht,
Tauchst Du herauf aus dem bewegten Strome.
In Licht und Wind und in die Zeugungsnacht
Zurück verebben Deine Staubatome“ [1]).

Новая форма проявленія, конечно, обусловлена сложнымъ взаимодѣйствіемъ „зерна“ и среды, но „нѣчто“ все же остается. Банзенъ настаиваетъ на безсмертіи *индивидуализированнаго* зерна (Sosein). „Это не бунтъ неисправимаго эгоизма, который не хочетъ отрѣшиться отъ иллюзій своего я,—когда наше невыразимое я противится включенію его въ безконечный рядъ высшихъ и низшихъ формъ; включенію, отрицающему за нашимъ индивидуальнымъ существованіемъ всякое истинное единство и признающимъ его лишь „высшею ступенью развитія“... Тотъ, кто стремится къ самоутвержденію своей физической и психической личности, не согласится никогда покорнѣйше-самоотверженно пѣть въ хорѣ съ этими деспотическими систематиками и систематическими деспотами“ [2]).

„Не одного абстрактнаго бытія (Dasein) хочетъ индивидуумъ, но своего опредѣленнаго собственнаго именно вотъ такого бытія (Sosein); въ этомъ вотъ бытіи находится „я“—не въ бытіи вообще, оттого-то оно не хочетъ „стать другимъ“, не быть больше этимъ „я“. „Я“ мало дорожитъ простою неуничтожаемостью своего метафизическаго ядра; безразличная вѣчность силъ является для сознающаго себя „я“ скорѣе источникомъ ужаса, чѣмъ утѣшенія, уже потому, что „сила“ въ ея чисто объективномъ видѣ ощущается нашимъ „я“ во время жизни болѣе по своимъ враждебно-угрожающимъ, чѣмъ поощряющимъ воздѣйствіямъ“ [3])

---

[1]) „Ты возникаешь изъ движущагося потока не предумышленный никакой цѣлью бытія, въ свѣтѣ и въ вихрѣ и въ ночи зачатія вновь приливаются атомы твоего праха“. Банзенъ вообще любитъ цитировать поэтовъ-философовъ, неизмѣнно отмѣчая, что всѣ они (Іенсенъ, Геббель, Рюккертъ и др.) „auch nordfriesischen Geblühts“ и никогда не были поняты плоскими „берлинцами“.

[2]) W., I, 462.

[3]) W. II, 34.

Въ одномъ мѣстѣ Банзенъ открыто связываетъ допущеніе относительнаго безсмертія съ этическими соображеніями. „Только если единичное существо и единичная жизнь въ себѣ самой представляетъ нѣчто большее, чѣмъ лишенное всякой цѣнности „явленіе“, можетъ быть придана нравственная святость акту пожертвованія этой жизнью,—только при такомъ условіи также продолженіе и насажденіе собственнаго бытія въ новомъ поколѣніи представляется истинной заслугой“ [1]).

VI.

Вся жизнь интеллекта построена на волевой основѣ: существуетъ особая „жажда знанія“, „влеченіе къ изслѣдованію“, „тяга къ истинѣ“, „любопытство ученія“, „пафосъ“. Если бы человѣкъ былъ способенъ стать „чистымъ субъектомъ познанія“, онъ утратилъ бы самую радость познаванія. „Въ созерцаніе, правда, не примѣшивается никакое опредѣленное мгновенное желаніе, но безъ направленія воли на общій интересъ насъ только одолѣла бы скука полнѣйшаго равнодушія“ [2]).

Въ интереснѣйшихъ вступительныхъ главахъ II-го тома книги „Противорѣчіе въ познаніи и сущности міра“ Банзенъ, обосновывая этико-психологическій индивидуализмъ, развиваетъ такое пониманіе человѣческаго „я“. Основою „я“ является самосознаніе центральной генады (Ichheit). Такая центральная генада обусловливаетъ вообще единство всякаго организма, но лишь въ человѣкѣ формируется окончательно. Это сформированіе достигается отчетливымъ обособленіемъ ея функціи отъ другихъ генадъ, входящихъ въ составъ „сложнаго я“; съ каждой изъ нихъ она имѣетъ „сферу соприкосновенія“. Но и въ человѣкѣ „я“ не окончательно едино: генада съ волей ирраціональной (wollende Ich) и генада съ волей сознательной (denkende Ich) еще

[1]) Z. Ph. d. C. III, (Vorwort.)
[2]) B. z. Ch., I, 325—6.

спорятъ и одолѣваютъ другъ друга поочередно. При этомъ я—самосознаніе не оторвано отъ эмоціональной подпочвы. „Чистое абстрактное самосознаніе, какъ достигшее яснаго логическаго саморазличенія внутреннее бытіе, — оно же чувство бытія, общее чувство,—даетъ намъ только знаніе о томъ, что мы *существуемъ*; самочувствіе даетъ также знаніе о томъ, что существуемъ *мы*, какъ отличное отъ другихъ существо" [1]).

Не идеализируя ирраціональной стороны „я", Банзенъ все же постоянно указываетъ на опасности односторонне-разсудочнаго образованія. Личность для него всегда живое цѣлое изъ плоти и крови: вліяніе Фейербаха оказалось очень прочно. Далеко оставивъ за собой шопенгауэровскій аскетизмъ и односторонній альтруизмъ, Банзенъ ярко защищаетъ право индивидуальнаго самоутвержденія: въ *этомъ* пунктѣ онъ достойный соратникъ Ницше. Въ „Очеркахъ характерологіи" мы находимъ даже интересную мысль, что безнравственность и подлость всегда проистекаютъ изъ *безличія*, пронырства, „приспособляемости" [2]). Банзенъ развиваетъ понятіе vita vitalis—„жизнь во всю", жизнь подлинная. Лучше смерть, чѣмъ прозябаніе „какъ-нибудь". Индивидъ и его счастье для Банзена всегда выше требованій общества, государства и т. п. Параллельно защищаетъ онъ и права *интимной* жизни, права на чуткое уваженіе со стороны „ближнихъ", цитируя слова поэта Дингельштедта,

« . . . schliesse dich in deine stille Kammer
. . . . . .
unb sélbst die Wunde—glaub's—wird dich beglücken,
Wenn fremder Tölpel-Fäuste sie nicht drücken» [3]).

Но Банзенъ никогда не призываетъ къ полной изоляціи отъ окружающихъ или къ деспотическому эгоизму. Прежде

---

[1]) B. z. Ch., II, 43.

[2]) B. z. C., I, 438—442. Тамъ же (338—394) яркое оправданіе идеи философскаго „бунта".

[3]) „Замкнись въ свою тихую келью, и самыя раны, повѣрь, станутъ для тебя счастьемъ, если ихъ не будутъ бередить чужіе дурацкіе кулаки".

всего онъ знаетъ, что такая изоляція невозможна. „Даже клѣтки нуждаются, для продолженія своей жизни, въ живой зависимости отъ своей обстановки. Удовлетвореніе всякаго влеченія, начиная съ элементарнѣйшихъ инстинктовъ—питанія и воспроизведенія—предполагаетъ бытіе внѣ нашего я". „Воля можетъ найти границу только въ другой волѣ, такъ что мы вмѣстѣ съ конечностью и множественностью воль обрѣтаемъ понятіе ихъ лишь относительной самостоятельности" [1]).

Если съ одной стороны „рожденіе есть не что иное, какъ выраженіе желанія воли быть самостоятельной, быть для себя, имѣть нѣчто для себя", то съ другой стороны „эта неограниченная самостоятельность единицы, которая стремится стать абсолютной, невозможна; единица всегда остается связанной съ цѣлымъ, зависящей отъ него; въ немъ имѣетъ она свои корни, и свободно въ эфирѣ никто не можетъ парить. Въ эгоистѣ перевѣшиваетъ стремленіе посредствомъ этихъ корней усилить себя; однако, чтобы имѣть возможность жить, каждый долженъ выдыхать и тѣмъ самымъ отдавать нѣчто назадъ изъ своего. Эгоистъ, совершенно лищенный влеченія къ любви, немыслимъ; этически, какъ и физически, невозможна абсолютная изоляція. И только конечное можемъ мы любить и только конечное можетъ быть любимо! Безконечному Абсолюту, Вседовольному единица не можетъ ничего дать, такъ какъ онъ все уже имѣетъ, и отъ него не можетъ ничего вполнѣ получить, потому что то, что единица можетъ отъ Него въ себя принять, не перестаетъ принадлежать Ему" [2]). Послѣднія слова указываютъ, что „All" для Банзена не есть нѣчто большее, чѣмъ живая совокупность индивидовъ. „Невозможность абсолютнаго изолированія помогаетъ индивиду понять *всеобщую зависимость*, несмотря на все же несомнѣнную свою самостоятельность и существованіе для себя" [3]).

[1]) W., I, 172 и сл.
[2]) B. z. Ch., I, 38.
[3]) W., I, 153.

Мы—вотъ слово, на которомъ основана этика Банзена. Въ „мы“ единство и множественность находятся въ гармоническомъ равновѣсіи. „Такъ какъ „мы“ охватываемъ свое и чужое (и это послѣднее болѣе, чѣмъ свое, ибо оно многочисленнѣе),—„мы“ есть великое связующее слово этики, потому что обозначаетъ несравненно больше, чѣмъ простую множественность прибавленныхъ другъ къ другу „я“, а именно, сверхъ того, единство взаимозависимыхъ „я“... Оно охватываетъ уже нѣчто противоположное „моему“, собственно-эгоистическому... Незачѣмъ предполагать нѣкое „цѣлое“, которому идетъ на пользу жертва единицы, достаточно обращаться съ индивидуальнымъ не-„я“ такъ, какъ „естественный“, т.-е, абсолютно-эгоистическій человѣкъ обращается съ собственнымъ „я“... Мы не хотимъ предполагать, какъ носителя этическихъ обязательствъ, человѣческое существо, приписанное къ неизвѣстному потустороннему міру, но живыхъ дѣтей человѣческихъ изъ плоти и крови со всѣми съ этимъ связанными потребностями“ [1]).

Самая смертность, конечность человѣческаго существа увеличиваетъ нашу нѣжность къ нему. Основа этики есть сочувствіе и перенесеніе себя въ положеніе другого („вчувствованіе“ Липса); уваженіе ко всей полнотѣ чужой индивидуальности и есть „тактъ“. „Тактъ есть очевидно не вмѣщающееся въ системы, если не прямо имъ противорѣчащее понятіе“. Это—„интуитивное знаніе правды и добра“. „Надъ узкимъ сердцемъ юридической справедливости возвышается сердечная доброта, человѣческая любовь (caritas)“ [2]). Лозунгъ „pereat mundus, fiat justitia“ Банзенъ готовъ признать, если подъ Iustitia мы будемъ разумѣть не справедливость (Iustiz) служителей буквы, но духъ истины и правды (Gerechtigkeit); если для насъ дорого „Право“, а не „права“—въ смыслѣ дисциплинъ позитивнаго права [3]).

Изъ той же тенденціи противъ поверхностныхъ обобще-

[1]) W., II, 82.

[2]) B. z. Ch., 121, 123.

[3]) Louis, 91, 94.

ній критикуетъ Банзенъ понятіе „любви ко всѣмъ“. „Только по отношенію къ единицѣ дана дѣйствительная любовь, по отношенію ко „всѣмъ“ она—лишь возможность“ [1]). Банзенъ вспоминаетъ стихи Грильпарцера:

«Theil nicht Du Deine Liebe in das All,
Bleibt wenig für den Einzelnen, den Nächsten,
Und ganz Dir in der Brust nur noch der Hass.
Die Liebe liebt den nahen Gegenstand
Und Alle lieben ist nicht mehr Gefühl,
Was Du Empfindung wähnst, ist nur Gedanke
Und der Gedanke schrumpft Dir einst zum Wort,
Und um des Wortes Willen wirst Du hassen!» [2]).

Банзенъ хорошо сознаетъ, что конкретные „ближніе“ часто вызываютъ въ насъ ненависть. Многообразіе индивидовъ включаетъ и „дурные“ случаи. Банзенъ признаетъ существованіе природнаго „вкуса къ злому“ и не желаетъ отдѣлаться отъ этого факта „волшебными словечками“ [3]). Но гимновъ „красотѣ зла“ мы отъ Банзена мало услышимъ. Переоцѣнка этическихъ цѣнностей въ *этомъ* смыслѣ ему чужда. „Вкусъ къ злому“ скорѣе ощущается имъ, какъ фактъ страшный и горькій, одна изъ неожиданностей неумолимой жизни. Во всякомъ случаѣ прежде всего надо помнить, что „въ пестротѣ идивидуальной жизни есть *краски*, а не одно свѣтлое и темное“, всматриваться въ факты раньше, чѣмъ грубо осуждать или рабски кадить. Понятія нравственнаго долга и идеала далеко лишены той общеобя-

1) B. z. Ch., 123.

2) „Не дѣли свою любовь между всѣми, мало останется для одного „ближайшаго“ и только ненависть наполняетъ твою грудь. Любовь любитъ ближайшій предметъ, любовь ко всѣмъ уже не чувство; то, что ты принимаешь за ощущеніе,—только мысль, и мысль скоро сожмется у тебя въ слово и изъ-за слова ты будешь ненавидѣть“.

3) Цѣнно, однако, что Банзенъ, кромѣ „робкаго вопроса: гдѣ собственно проходитъ граница между здоровьемъ и болѣзнью“ (B. z. Ch., I, 34) признаетъ и „различіе въ силѣ ощущеній боли и удовольствія на *плоскости здоровья*“ (ibid. 47), отличая такимъ образомъ „пессимистовъ по натурѣ“ отъ „неприспособленныхъ“, „слабыхъ“, „забитыхъ обстановкой“ людей. У этихъ послѣднихъ ядро можетъ остаться здоровымъ.

зательной простоты, которую имъ придавалъ Кантъ. „Идеальное вообще“ есть понятіе пустое; идеалъ долженъ индивидуализироваться, какъ цѣль „вотъ этого я“, и тогда лишь дѣлается стимуломъ дѣйствія. Но такъ какъ индивиды-генады въ конечномъ счетѣ абсолютно различны, неизбѣжна множественность идеаловъ и нечего мечтать о конечной гармоніи— жизнь идетъ просто по равнодѣйствующей и не считается съ нашими фантазіями.

VII.

Однако не эта „недостижимость“ идеала дѣлаетъ Банзена пессимистомъ. Она еще оставляла бы увѣренность исполненнаго долга: feci quod potui. Но Банзенъ не считаетъ индивида-генаду способной къ *единому* направленію дѣятельности; противорѣчія не только наполняютъ міръ, но *раздираютъ самое личность*. Потому-то и можно сказать, что сущность міра не простая борьба противоположностей, но подлинное противорѣчіе: *каждая генада въ себѣ раздвоена*. Воля каждой одновременно жаждетъ „жизни“, т.-е. полноты удовлетворенія, и „смерти“, т.-е. прекращенія томленій. Каждая генада есть „существо хотящее и нехотящее“. Это не смѣна колеблющихся настроеній, а *одновременная наличность* въ волѣ двухъ противоположныхъ и равносильныхъ влеченій. Этимъ то и отличается реальный діалектикъ отъ скептика. Скептикъ съ наслажденіемъ пользуется своей „цыганской“ свободой, своимъ „нейтралитетомъ“, своей „ролью бухгалтера философскихъ предпріятій, выводящаго нуль въ итогѣ счетныхъ книгъ“. Скептицизмъ похожъ на „русскія качели“ (вертикальную карусель): человѣкъ съ сильными нервами забавляется ею съ удовольствіемъ. Реальному діалектику суждена мука безконечнаго и безсмысленнаго „Иксіонова колеса“ [1]). Внѣшняя борьба только послѣдствіе внутренняго раздвоенія; генада находится въ безысходномъ напряженіи всѣхъ силъ безъ всякой возможности избрать тотъ или другой путь добровольно.

[1]) Louis, VI. 1, стр. 242, 245. 249.

Вотъ въ этомъ то признаніи самораздвоенія воли каждаго „я“,—основа Банзеновскаго пессимизма,—поворотный пунктъ всей его системы: *невѣріе въ цѣлостность личности и ея активную мощь*. Противорѣчіе реально *пребываетъ* въ нашемъ вѣчномъ „я“. Можно, конечно, безъ страха признать „не-логичную“ жизнь-борьбу, лишенную всякаго „мірового плана“. Но если эта борьба не только *безконечна*, но и *безрезультатна*, если вся жизнь міра есть,—выражаясь вульгарно,—толчея воды въ ступѣ, такъ какъ позади пестрой смѣны событій пребываетъ воля, коснѣющая въ мукѣ напряженнаго самораздвоенія, дѣйствительно остается только отчаяніе. „Реальная діалектика познаетъ, что истина заключается въ единствѣ „ни-ни“ и „и-и“ (Weder noch und Sowohl—Alsauch)“ [1]. Передъ волей постоянно становятся равнозначущія цѣли и не *ея* выборъ, а только принужденіе обстоятельствъ, лишенное всякой цѣлесообразности, направляетъ „я“ по *этой* дорогѣ, хотя половина нашего существа жаждетъ другой. Это только наше безсильное попущеніе, кажущееся уничтоженіе противорѣчій, внутренно оно остается. Собственный внутренній опытъ въ безошибочной интуиціи указываетъ намъ на самораздвоенность. „Я бы очень хотѣлъ имѣть другое міровоззрѣніе, но это значитъ закрывать глаза передъ *ощущаемымъ* фактомъ“ [2]. Однако, пессимизмъ не просто „личная прихоть“. Возставая противъ обычнаго „доказыванія“ правоты пессимизма „головнымъ“ математическимъ подсчетомъ „балансовъ“ счастья и несчастья, Банзенъ не желаетъ основывать свой „пессимизмъ сердца“ *только* на мрачномъ самочувствіи. Онъ указываетъ на *сочувственный* опытъ, какъ на средство обобщенія результатовъ опыта личнаго. Чувство *міровой* тоски, причастность *всеобщей* скорби, которая охватывала Фауста, помогаетъ намъ познать трагическую судьбу человѣчества.

---

[1] W., I, 229.

[2] Louis, 107, 146,

Но одного ли человѣчества? Вѣдь весь міръ состоитъ изъ генадъ, и самораздвоеніе свойственно имъ всѣмъ; разница только въ степени осознанія. „Реальная діалектика возвѣщаетъ этотъ законъ внутренняго міра, какъ законъ всего міра, потому что для нея міръ вообще есть не что иное, какъ совокупная сумма подобныхъ индивидуальностей“ [1]). Уже въ мірѣ механическихъ явленій мы находимъ раздвоеніе: инерція есть и „пассивная косность“, и „активная устойчивость“; упругость—*постоянное* стремленіе къ обратному состоянію и т. п. Противоположно направленныя силы, сойдясь въ одной точкѣ, не уничтожаются; онѣ лишь даютъ „нуль движенія“, но максимумъ напряженія. Магнитная полярность—новый яркій примѣръ: *разно*именные полюсы притягиваются, *одно*именные отталкиваются“ [2]). Затѣмъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на такъ называемыя „критическія состоянія“ вещества, когда количество, напр., тепла,—съ трудомъ обнаруживаемое приборами, имѣетъ рѣшающее значеніе для кипѣнія, замерзанія и т. п. Малыя дозы яда имѣютъ лѣкарственное значеніе: здѣсь количество явно переходитъ въ качество и обнаруживается двойственная потенція всякаго вещества, проявляющаяся такъ или иначе въ зависимости отъ внѣшней случайности. Банзенъ очень увлекался этимъ „гомеопатическимъ принципомъ“ и даже напечаталъ въ спеціальныхъ журналахъ гомеопатовъ двѣ статьи объ отношеніи гомеопатіи и философіи [3]).

Раздвоенность, еле замѣтно проявляющаяся въ такихъ

---

[1]) Tr. und Hum., 4.

[2]) Да не удивится современный читатель всѣмъ этимъ наивностямъ: это написано въ 1881 г., когда результаты новѣйшихъ обобщеній естествознанія мало проникли въ публику. Банзенъ, впрочемъ, самъ сознавалъ свое «невѣжество» въ области естественныхъ наукъ.

[3]) Въ автобіографіи Банзенъ съ грустью констатируетъ, что одни гомеопаты встрѣтили его сочувственно. Сомнѣваясь, стоило ли «связываться» съ ними, Банзенъ утѣшаетъ себя мыслью: «еретики и изгнанники всегда держатся вмѣстѣ; слѣпому и хромой можетъ помочь перебраться черезъ улицу». (Louis, 120).

явленіяхъ, растетъ и заостряется на высшихъ ступеняхъ развитія. Человѣческое „я"—высшее средоточіе всѣхъ противорѣчій. Вотъ какими эпитетами характеризуетъ его Банзенъ (привожу отрывокъ съ большими сокращеніями [1]).

„Я—источникъ всякаго самосознанія и самоутвержденія, но оно зависитъ отъ мозга, какъ рабъ отъ господина; субъектъ всякаго хотѣнья, но само лишь цвѣтеніе (Geblüht) волевой сущности; продуктъ и сосудъ впечатлѣній и источникъ самодѣятельности; неизмѣнное и перемѣнчивое; вѣчное и мгновенное; неуничтожимое и постоянно исчезающее въ потокѣ времени; все познающее и само неуловимое; исчезающее, не исчезая, во снѣ, обморокѣ и безуміи; оно во всемъ и все въ немъ; оно—цѣло и нуждается въ дополненіи, поскольку принадлежитъ къ опредѣленному полу; основа реальности и само вѣчный призракъ; твореніе Божіе и творецъ всѣхъ боговъ; первый жрецъ и первый атеистъ,—словомъ, вся полнота юмора въ его безконечной самораздвоенности" [2].

Воля и интеллектъ находятся въ непримиримомъ раздвоеніи; всѣ „зрячіе" пассивны, а активные слѣпы. Само желаніе упразднить волю есть желаніе (Voluntas ad ne); Шопенгауэръ напрасно противополагаетъ „квіетивъ" „мотиву"—направленіе не мѣняетъ сути явленія. „Понять характеръ можно именно изъ того, что другимъ кажется абсолютно непонятнымъ, изъ внутренняго противорѣчія въ его собственномъ существѣ" [3]. Этическій міръ полонъ противорѣчій. Ненависть отрицаетъ личность „другого", но нуждается въ ней, какъ въ своемъ объектѣ („мы любимъ враговъ, потому что намъ доставляетъ удовольствіе ихъ терзать"). Самоотверженіе переноситъ свое „я" въ дру-

[1]) Этотъ отрывокъ (W., II, 8—10) характеренъ и со стороны формы. *Двѣ* страницы заняты *одной* фразой, раздѣленной лишь точками съ запятой и тире. По смыслу она дѣйствительно должна быть произнесена «однимъ духомъ». Понятно, какая разница была между чтеніемъ вслухъ и позднѣйшимъ воспріятіемъ въ печати.

[2]) О „юморѣ" см. ниже гл. VIII.

[3]) Louis, V. (Char. aus. Shakspeare), 185.

гого и, уничтожая себя, себя же утверждаетъ. Еще болѣе разительный примѣръ—самоубійство: самоубійца отрицаетъ свою „волю къ жизни“, покидая эту жизнь, но зачастую этимъ актомъ утверждаетъ свою волю къ *лучшей, полной* жизни (vita vitalis), не мирясь съ тусклымъ, сѣренькимъ „существованіемъ“. Въ одной душѣ могутъ жить благоговѣйныя и кощунственныя наклонности.

Но ярче всего сказывается самораздвоеніе въ половыхъ отношеніяхъ: оба пола находятся „хотя и не во враждѣ, но въ нѣкоторомъ коренномъ антагонизмѣ“. Въ отношеніяхъ мужчины и женщины возможны случаи, когда они не могутъ жить ни вмѣстѣ, ни врозь, когда „могущественная иллюзія, *не исчезая*, теряетъ всю мощь своего обаянія“ [1]). Невозможно знать, какая степень любви и самоотверженія насъ возвышаетъ, а какая унижаетъ въ глазахъ любимаго существа. Разлука отчасти притупляетъ, отчасти усиливаетъ влеченіе. Наконецъ, ревность уже совсѣмъ непонятна безъ раздвоенной воли: это одна изъ формъ любви ненавидящей.

Величіе Шекспира, по мнѣнію Банзена, въ томъ и состоитъ, что онъ рѣшился изобразить эти глубины противорѣчія. Статья „Очерки характеровъ изъ міра Шекспировскихъ женщинъ“ несомнѣнно одно изъ удачныхъ произведеній Банзена, но сдѣлать Шекспира „предтечей реальной діалектики“ ему все же не удалось. Именно въ этой статьѣ Банзенъ обнаруживаетъ непомѣрное злоупотребленіе терминомъ „противорѣчіе“, обозначая имъ простую противоположность и борьбу мотивовъ внутри личности. Изъ анализированныхъ Банзеномъ женскихъ типовъ въ сущности лишь Клеопатра и Крессида дѣйствительно „раздвоены“. Характерно, что это типы „половые“ по преимуществу. Личная трагедія Банзена сильно укрѣпила его теорію безисходнаго надлома: „философія пола („истинная сфера противорѣчій“)—самая больная и надорванная часть системы Банзена.

[1]) L., VI, 268.

„Любовь къ ближнему“ (Menschenliebe) у Банзена и „любовь къ дальнему“ (Wahrheitsliebe) непримиримы. Въ области „добра“ зіяетъ противорѣчіе юридической *справедливости* и сердечнаго *милосердія*. Основа права—взаимность обязательствъ (do ut des), но всякое „возстановленіе правъ“ есть *моральная* неправда по отношенію къ наказанному за правонарушеніе. Summum jus—summa injuria. Соціальная справедливость требуетъ равенства, индивидуальное своеобразіе—соперничества. Одно лишь государство *можетъ*, по своимъ силамъ и средствамъ, осуществить идеалы гуманности, но принудительный характеръ государственной власти отнимаетъ у нея *желаніе* такого осуществленія. Ростъ производства находится въ неразрѣшимомъ конфликтѣ съ требованіями распредѣленія, и всякіе „планы“ общественнаго устроенія игнорируютъ конкретную сложность отношеній. Изъ всѣхъ этихъ противорѣчій *нѣтъ никакого выхода*. Выходъ найденъ бываетъ объективнымъ ходомъ событій, но этотъ *односторонній* выходъ оставляетъ въ душѣ индивида надрывъ, неудовлетворенное желаніе „другого“, не измѣняетъ раздвоеніе воли, а потому скоро наступаетъ реакція.

На добровольное самоупраздненіе воли нѣтъ никакой надежды, это противорѣчитъ ея раздвоенной природѣ. „Поскольку содержаніе всякаго „настоящаго“ есть стремленіе (какъ сущность всякаго бытія—желаніе), и неуспокоимая воля никогда не перестаетъ стремиться, каждое „настоящее“ предполагаетъ „будущее“, и эта послѣдовательность безконечна“ [1]). „Мгновеніе само по себѣ крошечное—все же сильнѣе самоотрицанія всѣхъ временъ“ [2]). Такова жестокая истина факта, жестокое „нѣтъ“ (Non) жизни; никакое „да не будетъ“ (Ne) не побѣдитъ этого „нѣтъ“. Всякій пессимистъ въ глубинѣ души хотѣлъ бы быть оптимистомъ, но онъ *знаетъ*, что идеальныя мечты.

---

[1]) W., II, 428.
[2]) W., II, 455.

никогда не осуществятся [1]). „Посредствомъ всего познавательнаго аппарата воля познаетъ только собственное никчемное влеченіе и послѣдняя цѣль этого влеченія—познаніе—носится передъ нею безконечно, и все ея бытіе никчемно“ [2]). „Неудержимое безпокойство, которое вноситъ съ собою воспріятіе противорѣчія, образуетъ perpetuum mobili всего человѣческаго мышленія... Совершенно подобная потребность побуждаетъ душу искать внутренняго міра, при чемъ ея двигатель—воля—до тѣхъ поръ не успокаивается, пока ей не удается свести ощущаемыя несоединимости къ дѣйствительному единству, а если эта цѣль никогда не будетъ достигнута, опыту остается просто установить, что и наше сердце, пока оно только бьется, никогда не будетъ дѣйствительно наслаждаться желаннымъ состояніемъ примиренія съ самимъ собою“.

VIII.

Банзенъ послѣдовательно отвергаетъ мнимыя „примиренія“. Смерть, какъ мы знаемъ, не даетъ конечнаго покоя и является лишь мгновеннымъ перерывомъ томленія. „Реальная діалектика стираетъ послѣдній остатокъ дуализма, присущій обыденному сознанію, напримѣръ, въ выраженіи поэтовъ: „среди жизни мы окружены смертью, какъ будто бы смерть была самостоятельной, внѣ жизни стоящей силой, а не простымъ условнымъ обозначеніемъ отрицательной стороны основы бытія“, т.-е. „воли къ небытію“, присущей каждой генадѣ одновременно съ „волей къ жизни“ [3]).

«Der Tod, die Freunde, ja der Tod soll leben;
Der Tod macht erst das Leben ganz und voll» [4]).

„Смерть принадлежитъ къ жизни; сама смерть есть часть бытія; не нѣчто извнѣ всунутое въ этотъ круговоротъ, чего

---

[1]) Louis, IV, 475.
[2]) Louis, II, 148.
[3]) W., II, 424.
[4]) „Смерть должна жить, друзья; только смерть дѣлаетъ жизнь цѣльной и полной“. W., II, 444—445.

могло бы и не быть, что можно было бы отмыслить прочь; ея наступленіе такъ-же неотвратимо и такъ-же недоказуемо, т.-е. не выводимо далѣе, какъ математическая аксіома, потому что надъ нимъ нѣтъ никакого обоснованія или объясненія; *такъ есть потому, что такъ должно быть, и такъ должно быть потому, что такъ есть*“ [1]).

Всѣ религіозныя и философскія системы, не исключая Шопенгауэра и Гартмана, вѣрили въ какой-нибудь „конецъ“: будь то „новое небо и новая земля“, государство будущаго или Нирвана. Все это безпомощныя попытки не признать жестокую правду жизни. Идеализмъ родился изъ неудовлетворенности и всегда отмѣчался наивнымъ юношескимъ энтузіазмомъ. Гартманъ менѣе всѣхъ имѣетъ право считаться смѣлымъ пессимистомъ; онъ исказилъ истину, не продуманную до конца Шопенгауэромъ, создалъ цѣлый „міровой планъ“ и превратилъ индивидуумъ въ простое орудіе идеи [2]). Гегель провозгласилъ ничтожность „случайностей“ феноменальнаго міра, но представлялъ себѣ его „суть“, какъ развитіе идеи; Фейербахъ и матеріалисты раскрыли ничтожность объективной сущности и приняли за истинно-сущее міръ явленій. Реальная діалектика даетъ синтезъ: и явленія, и самое сущее (поскольку оно есть томящаяся воля) равно ничтожны [3]). „Въ этомъ смыслѣ реальная діалектика можетъ быть названа философіей отчаянія, которая останавливается на въ половину лишь недобровольномъ отказѣ отъ преодолѣнія найденныхъ противорѣчій и возвышаетъ само противорѣчіе въ принципъ, отчаявшись разрѣшить тѣ задачи, которыя считали себя въ силахъ оставить предшествующія философскія системы, въ наивной надеждѣ на прогрессирующее уменьшеніе противорѣчій въ человѣческомъ познаніи. Вмѣсто того, чтобы дѣйствительно разрѣшить предложенную задачу, такая философія имѣетъ мужество

---

[1]) W., II, 446.
[2]) Z. Ph. d. G., 3.
[3]) Louis, III, 161—2.

открыто признать свою неспособность“ [1]). Человѣчество должно остаться на распутьи безъ надежды на перемѣну и исходъ.

Христіанство совершенно чуждо Банзену; это тоже одна изъ попытокъ вѣрить въ „конецъ“. „Проповѣдь Страстной Пятницы заслонила Евангеліе Пасхи“ и человѣчество радостно слушало вѣсть: „конецъ близко, у дверей“. Въ христіанствѣ была цѣнна идея души, какъ *своеобразной* индивидульности; не даромъ апостолы подъ наитіемъ Духа Святого говорили на *разныхъ* языкахъ: *каждый по-своему*,—вотъ заповѣдь индивидуализма. Но тщетна мечта о спасеніи; передъ каждымъ своя дорога безъ конца.

Наконецъ, не успокаиваетъ ли волю искусство? Шопенгауэръ видѣлъ въ немъ временный выходъ изъ томленія, но Банзенъ не согласенъ съ этимъ. Эстетическая теорія Банзена чрезвычайно интересна. Онъ различаетъ три типа художественныхъ произведеній: просто эстетическія, трагическія и юмористическія.

Образы „обще-эстетическіе“ или „просто прекрасныя“ созданія нашей фантазіи, полныя гармоніи, которой въ жизни нѣтъ; призраки, недолго насъ утѣшающіе. Однако даже ихъ созерцаніе не есть вполнѣ безвольное (Interessenlosigkeit Канта). Въ эстетическомъ воспріятіи (какъ и въ научномъ познаніи) мы не чувствуемъ *опредѣленнаго* желанія, но общее эмоціональное расположеніе связываетъ насъ съ объектомъ; онъ намъ дорогъ, иначе созерцаніе вызывало бы только скуку. Искусство тѣсно связано съ жизнью. Оно не должно изображать *только* „типичное“, но всю полноту индивидуальности, хотя, конечно, „зайдя въ индивидуализаціи слишкомъ далеко“, мы рискуемъ „превратить наши поэтическія произведенія въ собранія уродствъ и карикатуръ“. „Образъ искусства никогда не стоитъ безусловно одиноко, но въ своей единичности даетъ намъ увидѣть вѣчную силу мірового закона раздвоенія“. И въ „высшей дѣй-

[1]) Louis, II, 149.

ствительности" поэтическаго творчества,—этомъ одухотворенномъ результатѣ процѣживанія повседневнаго наблюденія,—мы видимъ, что ни одинъ „истинный" характеръ не лишенъ внутренняго противорѣчія" [1]). Поэтому-то мы быстро отвращаемся отъ „просто прекраснаго", замѣчая его чуждость дѣйствительности, красивую, эфемерную непрочность. „Всякую наивную Гретхенъ подстерегаетъ коварный Мефистофель".

Поэтому надъ простой „чистой" красотой возвышается *красота трагическая*. Универсальный пессимизмъ не влечетъ за собою такой душевной дряблости, какъ пессимизмъ несеріозный и частичный. Созерцая безысходную борьбу трагическаго героя между двумя равноправными и равносильными дорогами долга, мы преисполняемся практическимъ идеализмомъ и готовы бороться за постоянныя цѣнности духа, не только не думая объ успѣхѣ, но *зная навѣрное*, что никакого успѣха и награды не будетъ. Только такъ постигается самоцѣнность личнаго подвига и высшихъ идеаловъ справедливости. Увлеченный желѣзною необходимостью къ гибели, герой не сдается до конца и проклинаетъ слѣпую судьбу. Пораженіе и неудача не только не уменьшаютъ нашего благоговѣнія къ герою, но скорѣе увеличиваютъ. Герой-страдалецъ и униженный такъ же притягиваетъ, какъ герой-борецъ, преодолѣвающій преграды. И такіе герои не менѣе возможны въ обыденной обстановкѣ, чѣмъ въ „торжественныхъ" историческихъ костюмахъ [2]).

Однако „пафосъ" героя все-таки только „способность къ продолжительному иллюзированію". Выше трагическаго героя стоитъ тотъ, кто, познавъ безысходность борьбы, сталъ только ея созерцателемъ и чуткимъ изобразителемъ. Это—*юмористъ*. Разумѣется Банзенъ старательно отгораживаетъ свое пониманіе юмора отъ той обывательской точки

---

[1]) L., V. (о Шекспирѣ). 187—188.

[2]) Интересно сравнить „Tragische als Weltgesetz" съ „Geburt der Tragödie" *Ницше*. Мысль о правотѣ и красотѣ хотя бы и неудавшагося дѣла многократно повторяется у *Ибсена*.

зрѣнія, которая называетъ „юмористикой“ всякое зубоскальство. Истинный юмористъ описываетъ жизнь съ сознаніемъ ея безсмысленности, но съ тонкимъ „всепрощеніемъ пониманія“ (tout comprendre c'est tout pardonner) и нѣжной лаской умѣлаго цѣлителя. Смѣхъ юмориста не злой, а лишь просвѣтленный страданіемъ, умный смѣхъ [1]). Злая сатира уже внѣ эстетики; если юмористу недостаетъ „чувствительности“, онъ превращается въ *философа реальной діалектики*, который, познавъ всю толчею жизни, свыкается со своимъ *опознаннымъ* раздвоеніемъ и обрѣтаетъ истинную свободу (vogelfrei, passepartout) [2]). Онъ твердо стоитъ на ногахъ, „пріемлетъ“ жизнь и круговоротъ исторіи просто потому, что „иначе нельзя“, и блаженство своего полнаго сознанія не промѣняетъ ни на какія религіозныя „утѣшенія“.

Такой философъ прежде всего индифферентистъ по отношенію къ политико-соціальнымъ преобразованіямъ. Онъ ни во что не вмѣшивается, потому что знаетъ, что всѣ безсильны и лишнее вмѣшательство даетъ только лишнія страданія ему и другимъ (ne pessimum quiddam mirari, т.-е. какъ бы чего похуже не вышло). Характерно, что такимъ образомъ этотъ реальный діалектикъ пришелъ къ выводамъ, діаметрально противоположнымъ „діалектическому матеріализму“ Маркса и его послѣдователей и прекрасно это сознавалъ [3]). Существующія формы права, семьи, государства, экономическихъ отношеній слѣдуетъ поддерживать, какъ

---

[1]) Идеальнымъ юмористомъ Банзенъ считаетъ Жана Поля Рихтера, хотя отрицаетъ большое вліяніе этого писателя на собственное міровоззрѣніе. Понятіе „юмора“ у Банзена очень близко „иронiи“ нѣмецкихъ романтиковъ, философія которыхъ вообще во многомъ на него вліяла.

[2]) *Ницше* тоже называетъ себя „vogelfrei“. Надо имѣть въ виду, что Банзенъ не отожествляетъ себя съ идеальнымъ „философомъ“. И „трагическій герой“, и „юмористъ“ для него лишь образы-идеи этико-эстетическаго характера, подобныя „Аполлону“, Діонису“ и „Сократу“ въ „Geburt der Tragödie“ Ницше.

[3]) W. II, 361. „Соціаль-демократія и реальная діалектика противоположны болѣе, чѣмъ діаметрально“.

„неизбѣжное зло“, какъ „внѣшній“ порядокъ, не измѣняющій внутренней трагедіи „я“. У міра нѣтъ конца цѣли и смысла, нѣтъ вѣдь и „міра, какъ цѣлаго“, а лишь генады и равнодѣйствующая ихъ силъ.

„Судьба“ имманентна; она не *надъ* нами, а *среди* насъ, и одна лишь „всеобщая взаимозависимость“ вызываетъ поступки, „свободная“ воля застыла бы въ мукѣ самораздвоенія при первомъ выборѣ. Но, конечно, реальный діалектикъ, увѣренный въ объективной истинности своего міровоззрѣнія, не хочетъ его *навязывать* никому. Онъ ничего не „проповѣдуетъ“, но пусть другіе люди, каждый по-своему, пробиваютъ свой путь, борятся, страдаютъ, рискуютъ, и представляютъ всеисцѣляющему времени залѣчивать ихъ раны. Даже „юмористъ“, даже самъ „философъ“ не совсѣмъ бездѣятеленъ. Пессимизмъ не дѣйствуетъ разслабляюще. Познавшій всю глубину міровой тоски человѣкъ остается среди ближнихъ, вліяетъ на нихъ своею личностью. „Этимъ возвѣщающимъ бѣду Кассандрамъ по натурѣ дана на долю награда особаго рода“. Иронія мірового существованія открыла ихъ взору „бездны судьбы людской; указала имъ туда, гдѣ подъ поверхностью проходитъ русло боли, течетъ источникъ грусти, не золотоносныя, но кровеносныя жилы скорби—и такой наблюдатель становится какъ бы магнитной горой симпатіи и защиты и мѣстомъ убѣжища для всѣхъ грустныхъ. Именно на его горькомъ, какъ у мертвеца, лицѣ читаютъ они самое любящее утѣшеніе; именно его чутье къ глубинамъ сердца вѣетъ на разбитаго жизнью освѣжающимъ дыханіемъ юмористической шутки, конечно, невыносимымъ для тѣхъ, которые, благодаря слабому строенію собственнаго счастьица, получаютъ отъ такого сквозняка ревматизмъ и инфлуэнцу. Такъ и эти „знающіе“ реально-діалектическаго пессимизма участвуютъ, по крайней мѣрѣ на дѣлѣ, въ томъ, что они отрицаютъ въ теоріи; примиряясь со своею судьбою, они встрѣчаютъ мысль: „худо, а будетъ еще хуже“ возгласомъ... подобающимъ рѣшительному героизму: „если это такъ, если нельзя иначе, мы перенесемъ,

какъ можемъ“ [1]). Пессимизмъ учитъ высшей гуманности и пониманію людскихъ душъ въ ихъ повседневномъ многообразіи.

IX.

Излюбленная мысль Банзена: живая дѣйствительность не вмѣщается въ схемы логики и спеціальныхъ научныхъ теорій—была ярко выражена еще великимъ поэтомъ-философомъ Гете:

«Сѣра́, мой другъ, теорія всегда
И зелено златое древо жизни».

По сходному пути шелъ Кантъ, разграничивъ пестрослучайный „матеріалъ познанія“ (ощущенія) и устойчиво однородныя „формы“ его (пространство, время, категоріи). Но для Канта мышленіе о формахъ было цѣннѣе, чѣмъ созерцаніе ихъ живого содержанія: сильные пережитки раціонализма въ методѣ и идеалахъ Канта способствовали новому возрожденію и расцвѣту абстрактной идеалистической метафизики, вершиной которой была система Гегеля. Гегельянская „лѣвая“ снова возстала противъ раціонализма и, въ лицѣ Фейербаха, провозгласила права живой жизни. Аналогичныя идеи о „неуловимости“ опыта высказывали основатели позитивизма (въ особенности Милль). Послѣ долгой борьбы съ идеалистической и матеріалистической метафизикой окрѣпла новая критическая философія: неокантіанство и „нео-позитивизмъ“. Какъ бы ни были значительны разногласія этихъ двухъ направленій, имъ обще отрицательное отношеніе къ метафизикѣ и оправданіе правъ непосредственнаго воспріятія. И Риккертъ, и Махъ, и Зиммель, и Авенаріусъ—всѣ согласны въ томъ, что наши научныя понятія упрощаютъ многообразіе конкретной дѣйствительности. Къ этой дѣйствительности не приложимы „законы“. Но значитъ ли это, что она „противорѣчитъ логикѣ“, какъ то утверждаетъ Банзенъ. Нѣтъ, критическая фило-

[1]) W., II, 497.

софія говоритъ другое. Реальныя отношенія причинъ и дѣйствій, конечно, не разлагаются цѣликомъ на логическія связи основаній и слѣдствій [1]). Но тѣмъ не менѣе мы можемъ прослѣдить и объяснить каждый фактъ опыта въ его связи съ предшествующими: дѣйствительность не абсолютно ирраціональна; она лишь всегда шире и сложнѣе нашихъ понятій о ней. Опытъ не есть безформенный хаосъ ощущеній. Никакой опытъ немыслимъ безъ познающаго субъекта, а такой субъектъ неизбѣжно мыслится нами, какъ опредѣленно организованный. Существуютъ формальныя условія и предпосылки опыта, безъ которыхъ мы вообще не имѣемъ права говорить объ актѣ познанія. Это—основныя „свойства" всякаго опыта: пространственность, временная длительность, наличность „частей", качественныя и количественныя различія этихъ частей, всеобщая ихъ связь и зависимость. Комбинаціи этихъ предпосылокъ образуютъ основные, точные, формальные „законы природы" (напр., „законъ" сохраненія вещества и энергіи, законъ „причинности", важнѣйшія математическія аксіомы и т. п.), которые скорѣе слѣдуетъ назвать законами нашего способа познанія природы. Эти „формы" не могли образоваться въ процессѣ естественнаго подбора (какъ утверждаетъ Банзенъ и, къ сожалѣнію, до сихъ поръ предполагаетъ часть нео-позитивистовъ); „чистый опытъ", „опытъ безъ предпосылокъ" абсолютно непредставимъ и недопустимъ; „развитіе" есть тоже нѣкоторое научное понятіе и всегда есть развитіе „чего-то", уже находящагося въ пространствѣ, времени и проч. Но именно поэтому мы не имѣемъ права говорить о приложеніи этихъ формъ къ какому-либо „другому" міру, кромѣ живого опыта—переживанія, къ какой-либо скрытой „сущности". Мы не имѣемъ права прилагать формы нашего познанія и законы нашего мышленія къ „вещамъ въ себѣ";

---

[1]) Яркими защитниками идеи „схематическаго" характера научныхъ понятій являются также *А. Бергсонъ* и покойный *В. Джемсъ*, у которыхъ, впрочемъ, понятіе живой дѣйствительности не лишено нѣкоторой ирраціонально-метафизической окраски.

мы не можемъ ни утверждать, ни отрицать существованія такихъ „вещей въ себѣ", такъ какъ самое понятіе „существованія" имѣетъ смыслъ лишь въ предѣлахъ опыта. А потому метафизика, какъ система наукообразнаго мышленія, невозможна и недопустима, такъ какъ ея утвержденія нельзя ни доказать, ни опровергнуть научнымъ путемъ [1]). Система Банзена, какъ метафизическая, тоже не подлежитъ научному обсужденію и не имѣетъ никакой научной цѣнности. Банзенъ именно прилагаетъ формы нашего познанія (пространство, время, причинную связь и пр.) къ нѣкіимъ скрытымъ сущностямъ (генадамъ), по собственному его заявленію, не подчиненнымъ „нашей логикѣ", абсолютно самопротиворѣчивымъ и ирраціональнымъ. Говоря, что дѣйствительность „подчинена другой логикѣ", онъ уже допустилъ существованіе нѣкоторой метафизической, независимой отъ опыта реальности и тѣмъ самымъ перешелъ изъ сферы науки въ сферу лично произвольныхъ гипотезъ. Банзенъ увѣрилъ себя, что онъ знаетъ „сущность" міра и тѣмъ самымъ впалъ въ противорѣчіе собственному принципу неисчерпаемости міра схемами. Онъ тоже построилъ только „скелетъ міра" (Weltgerüste—по его собственному выраженію) и выдалъ его за „истинный міръ". Банзенъ самъ превращалъ научныя схемы и понятія въ особыя реальности. По сравненію съ этимъ „истиннымъ" міромъ, міръ непосредственнаго воспріятія неизбѣжно обезцвѣчивается и превращается въ иллюзію. Но съ другой стороны представленіе о чуждой, таинственной и непостижимой реальности (мірѣ „въ себѣ") неизбѣжно является источникомъ страха и покорности. Вопреки возрождающимся въ послѣднее время призывамъ къ метафизикѣ, какъ средству спасенія отъ разброда мысли и пессимизма, слѣдуетъ подчеркнуть, что именно представленіе о сверхъ-эмпирической „ре-

[1]) См. *И. И. Лапшинъ.* „Законы мышленія и формы познанія". СПБ. 1906 г. Проф. *А. И. Введенскій* „Логика, какъ часть теоріи познанія", изд. 2-ое, СПБ. 1912 г. Популярное изложеніе: Проф. *А. И. Введенскій* „Новое и легкое доказательство философскаго критицизма". СПБ. 1909 г.

альности" легко завлекаетъ въ бездну страха и безпомощности.

Система Банзена—особенный яркій примѣръ такой безпомощности, несмотря на то, что его метафизика—волюнтаристическая. „Сущность" для Банзена не безстрастный Абсолютъ-Разумъ, а живая совокупность подобныхъ другъ другу единицъ; „явленія" не призракъ, а результатъ взаимодѣйствія этихъ единицъ; въ актѣ воли и въ ощущеніи мы непосредственно постигаемъ „сущность". Но дѣло въ томъ, что волевой актъ не менѣе, чѣмъ актъ познанія, протекаетъ въ предѣлахъ опыта и въ тѣхъ же „формахъ": пространствѣ, времени и т. д. Банзенъ, какъ и Шопенгауэръ, смѣшалъ самосознаніе—эту неотъемлемую основу *всякаго* переживанія—съ „головной" познавательной дѣятельностью, какъ нѣкоторой *частью* нашей душевной жизни, и попытался принять за основу этой жизни другую ея часть—волю и чувство, якобы проникающія за предѣлъ міра явленій. Ошибочно примѣшавъ въ самосознаніе (формально тожественное у всѣхъ „я") элементъ нѣкотораго своеобразнаго индивидуальнаго содержанія, онъ истолковалъ каждое „я", какъ метафизическую субстанцію—генаду. Такимъ образомъ онъ преодолѣлъ противорѣчіе системы Шопенгауэра, въ которой Единая Воля оказывалась въ мірѣпредставленіи распавшейся на множество индивидовъ и снова упразднялась актами личнаго аскетизма. Но такъ какъ, по Банзену, міръ состоитъ изъ нѣкотораго количества неизмѣнныхъ и въ корнѣ различныхъ единицъ, борьба ихъ не можетъ быть подлиннымъ „измѣненіемъ", „прогрессомъ" и остается безысходной. Система Банзена, какъ и всякая иная метафизика, пытается свести міръ къ „вѣчнымъ началамъ" и потому, несмотря на волюнтаризмъ, носитъ явно статическій характеръ. Высшимъ идеаломъ Банзена является пассивный философъ-созерцатель, правда не безстрастный, а скорбящій и любящій людей. Хотя „сутью" міра провозглашена вѣчная борьба безъ надежды на „конецъ", примиреніе и устроеніе, но эта борьба—простой

круговоротъ: акція вызываетъ реакцію, мѣняются только подробности, новаго впереди нѣтъ—міръ „все тотъ же".

„Все тѣ же" и сами генады, терзаемыя внутри коснѣющимъ противорѣчіемъ-надломомъ. Надломленный метафизикъ Банзенъ превращаетъ особенности своей личной психики въ „міровой" законъ духа, окрашиваетъ всѣхъ „подъ свой цвѣтъ". Но кромѣ этой чисто психологической причины, ученіе Банзена о „реальной діалектикѣ" нашей души имѣетъ другую, болѣе объективную. Банзенъ, какъ чуткій психологъ-наблюдатель, не могъ мыслить душу упрощенно-однородной, постоянно сталкиваясь съ многообразіемъ и измѣненіемъ внутренней жизни. Но, какъ метафизикъ и индивидуалистъ, онъ хотѣлъ спасти вѣчность индивидуально-своеобразнаго „я" и перенесъ „противорѣчіе" въ самую субстанцію генады. Но индивидуальность генады неуловимо расплывчата, такъ какъ многое пришлось „вычесть" на долю „случайныхъ" мотивовъ, прирожденное зерно характера оказалось почти фикціей, и схема безсмертія этого „зерна" микроскопически мало отличается отъ простой „теоріи вѣчности силъ", столь ненавистной Банзену. Въ этомъ пунктѣ предвзятая метафизика Банзена приходитъ въ трагическое столкновеніе съ духомъ конкретнаго индивидуализма, проникающимъ лучшія части его воистину „раздвоенной" философіи. Преодолѣніе страха смерти — вотъ одно изъ замѣчательныхъ „пророчествъ" Банзена. Онъ всѣмъ сердцемъ любитъ именно „конечную", „ограниченную", прекрасную въ своей хрупкости живую личность, прославляетъ обновляющую роль смерти въ міровомъ процессѣ и, смѣло отказываясь отъ „субботы субботъ", чувствуетъ красоту вѣчной смѣны поколѣній. Но метафизикъ по типу мышленія, Банзенъ все же цѣпляется за субстанціальное „я" и превращаетъ эту дивную вѣчную жизнь міра въ безконечную трагедію самораздвоенія.

Банзенъ, кажется, единственный среди волюнтаристовъ сторонникъ строгаго детерминизма. Для такого крайняго индивидуалиста было бы очень соблазнительно превратить

міръ въ хаосъ произвольныхъ личныхъ порывовъ, и ученіе о „всеобщей взаимозависимости“ генадъ дѣлаетъ поэтому большую честь „интеллектуальной совѣсти“ Банзена. Въ этомъ терминѣ дана превосходная формулировка принципа міровой закономѣрности, совершенно свободная отъ обычнаго фетишизма ученія о „желѣзныхъ законахъ природы“. „Судьба“ не надъ нами, а среди насъ: всѣ мы звенья сложной цѣпи причинъ и дѣйствій и имѣемъ право „субъективно“ считать наши человѣческіе идеалы осуществимыми, отдаваясь прекрасному „риску познаній и дѣйствій“, о которомъ такъ убѣдительно говоритъ Гюйо. Съ такимъ имманентнымъ пониманіемъ „судьбы“ тѣсно связана превосходно развитая Банзеномъ мысль о невозможности абсолютнаго эгоизма. Онъ не противопоставляетъ эгоизмъ и альтруизмъ, не приноситъ личность въ жертву какому-либо высшему „цѣлому“, а просто и убѣдительно уясняетъ неразрывную связь личностей и естественный характеръ соціальныхъ чувствъ. Отказываясь отъ субстанціальнаго пониманія „мірового цѣлаго“, метафизикъ Банзенъ становится неожиданнымъ союзникомъ критической философіи. Уже Кантъ ясно сознавалъ, что міръ есть лишь „предѣльная идея разума“, теоретическое объединеніе всѣхъ данныхъ опыта. Въ ходячемъ представленіи о „космосѣ“ и его „законахъ“ прочно сидятъ пережитки средневѣкового „реализма“, которому всякое „цѣлое“ (общество, государство, церковь, міръ) представлялось особою сущностью, возвышающейся *надъ* составляющими его индивидами. Міръ несомнѣнно есть нѣкое „цѣлое“, но цѣлое, состоящее изъ индивидовъ, сложная система взаимодѣйствующихъ и связанныхъ частей. Нѣтъ единой „тайны міра“, есть лишь безчисленное множество тайнъ индивидуально-своеобразныхъ частей міра и ихъ сложнѣйшихъ взаимоотношеній[1]). Наше представле-

[1]) Такого рода истолкованіе міра дано напримѣръ *А. Фулліе* („Le mouvement positiviste et la conception sociologique du monde“) и *В. Джэмсомъ* („Вселенная съ плюралистической точки врѣнія“; русск. переводъ подъ редакціей Г. Г. Шпетта; ср. также „Прагматизмъ“, л. 4. Единое и многое; русск. пер. Юшкевича).

ніе о „міровомъ развитіи“, „ходѣ исторіи“ и т. под. неизбѣжно схематично и не исчерпываетъ этой пестрой сложности. Въ видѣ гипотетической „рискующей“ картины міра явленій, космическій индивидуализмъ можетъ найти мѣсто и въ системахъ совершенно не метафизическихъ.

Банзенъ сохранилъ и развилъ ложную предпосылку пессимистической системы Шопенгауэра: всякое желаніе есть мучительное томленіе. Для метафизика удовлетвореніе желанія скользитъ по психикѣ, не успокаивая коренной тоски. Если же мы допустимъ, что неизмѣнна лишь формальная организація сознанія, а эмпирическая личность-характеръ непрерывно измѣняется и расширяется, легко понять, какимъ образомъ удовлетвореніе желанія можетъ не возвращать волю въ прежнее состояніе, а вызывать въ ней жажду дальнѣйшей, большей мощи; жажду, возникающую не изъ „скудости“, а „изъ избытка“. Такое яркое жизнеутверждающее пониманіе волевого процесса далъ Ницше въ своемъ нѣсколько метафизическомъ, но въ основѣ научноцѣнномъ ученіи о Wille zur Macht („волѣ къ мощи“, а не „власти“, какъ часто переводятъ), какъ основномъ двигателѣ мірового развитія. Родственное пониманіе личности лежитъ въ основѣ этики Гюйо, истолковавшаго альтруистическіе поступки, какъ проявленіе избытка личныхъ силъ; идея активнаго самовоспитанія личности составляетъ „душу живу“ философскихъ драмъ Ибсена. Но этотъ творческій путь отрѣзанъ для Банзена. Злосчастная метафизическая тенденція толкаетъ его къ картинѣ міра, какъ къ совокупности вѣчныхъ генадъ, и не позволяетъ ему понять возможности единенія людей во имя свѣтлаго идеала общечеловѣческаго счастья и воли. Устремленіе индивидуальной творческой воли остается вѣчно потенціальнымъ и пропадаетъ безъ слѣда въ реальной діалектикѣ міровой жизни.

Банзенъ рѣшительно отвергаетъ религіозныя и мистическія „утѣшенія“, но остается пассивнымъ догматикомъ нигилистомъ: невѣріе въ цѣлостность личности мѣшаетъ

ему связать міровоззрѣніе съ міровоздѣйствіемъ. Только критическая точка зрѣнія, для которой личность такой же фактъ опыта, какъ и все остальное, но фактъ, окрашенный для насъ особенной *цѣнностью*, можетъ установить эту связь. Ставъ на такую точку зрѣнія, мы не вынуждены преклоняться передъ всѣми „особенностями" нашихъ эмпирическихъ ближнихъ. Выше всего для насъ *идеалъ* личности, какъ живой, цѣлостной психофизической индивидуальности; мы должны стремиться освободить въ каждомъ прекрасныя общечеловѣческія возможности, какъ здоровую почву для расцвѣта индивидуальныхъ многообразій. Но это освобожденіе возможно лишь потому, что личность *можетъ* расти и развиваться и является одной изъ активныхъ силъ сложнаго процесса міровой борьбы. Каждый изъ насъ, оставаясь самимъ собою и живя полной жизнью, связанъ съ прошлымъ и причастенъ къ счастью будущаго, и потому готовъ жертвовать своимъ „дешевенькимъ счастьемъ" во имя истинной любви къ ближнему и дальнему, во имя идеальной vita vitalis.

Можетъ быть, если бы Банзенъ прочиталъ эти строки, онъ повторилъ бы съ горькой усмѣшкой: „Истинный оптимистъ по натурѣ" можетъ абстрактно усвоить всю пессимистическую систему, даже при случаѣ органически срастить ее со своими проповѣдями и все таки останется при мысли: „можетъ быть, еще дѣло... пойдетъ лучше" [1]). Но нельзя преклоняться передъ заблужденіемъ только потому, что оно было искренно выстрадано. Банзена слѣдуетъ помнить и цѣнить не какъ создателя опредѣленной системы догматической метафизики, а какъ мыслителя-человѣка, вопрошателя по преимуществу. *„Безъ сомнѣнія нѣтъ вопроса, безъ вопроса нѣтъ раздумья, безъ раздумья нѣтъ добросовѣстнаго отвѣта"* [2])—вотъ лозунгъ всѣхъ его пламенныхъ и страстныхъ исканій. Надо пройти черезъ его пессимизмъ, какъ

[1]) B. z. Ch., I, 47.
[2]) B. z. Ch., I, 162.

школу, чтобы выбраться на болѣе широкую дорогу. Нужно еще искать, еще спрашивать не съ безсильнымъ сомнѣніемъ, а съ сознательной критикой, крѣпко опирающейся на вѣру въ мощь и право человѣческой личности. Въ исканіяхъ мысли еще болѣе, чѣмъ въ практической дѣятельности, не надо забывать девизъ Дантона: побольше смѣлости! „De l'audace et encore de l'audace et toujours de l'audace!".

Александръ Гизетти.

[illegible]

Тип. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Москва.
1912.